

STALKER

Дмитрий Григоренко

[Я ИЗ ЗОНЫ]
КОЛЫБЕЛЬНАЯ СТРАХА

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Григоренко

Я из Зоны. Колыбельная страха

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Григоренко Д. В.

Я из Зоны. Колыбельная страха / Д. В. Григоренко — «АСТ»,
2018 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-109502-4

Кузьма Новиков не бросил своих друзей и продолжает службу. Правда, в коллекторе НИИ «Метпрома» завелись странные мутанты, а где-то рядом притаились бандиты и наемники. Однако даже холодная зима Зоны не помеха охоте... Особенно когда на охоту выходят военные сталкеры.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109502-4

© Григоренко Д. В., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Кошмар	6
Пальцы	21
Зиверт	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дмитрий Григоренко

Я из Зоны. Колыбельная страха

© Д. Григоренко, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Stalker» основана в 2013 году

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Кошмар

1

– Мама!!!

Из сна меня вырвал истошный, разрывающий ночную тишину крик. Я скатился с кровати на промерзший деревянный пол, помотал головой, стряхивая с себя остатки липкого, выматывающего мне нервы уже не одну ночь кошмара.

– Мама!!!

Металл автомата ледяными колючками впился в ладонь. Я зашарил глазами в поисках цели, прислушался, но определить, откуда раздался этот вопль, в полутьме было сложно.

Комнатка, отведенная под казарму, отапливалась буржуйкой. Как по мне, мы согревали помещение своим дыханием больше, нежели эта старая печка, поэтому спать приходилось в одежде, натянув солдатские одеяла на головы. Из этих синих коконов сейчас торчали перепуганные лица солдатиков.

Ренат уже успел натянуть обувь и теперь так же, как и я, мрачно зыркал по сторонам.

– Вроде с угла третьего, – прогудел он, шмыгая заложенным носом.

– Да. Там кто стоит? – Я подвинулся к оконному проему, закрытому вместо стекол клеенкой в несколько слоев, и припал лицом к вырезанному в ней наподобие дверного глазка маленькому отверстию.

Снаружи мягко светила луна, снег укрывал здания и деревья, придавая окрестностям сказочный вид.

– Кто-то из новых. Дух, короче, – прогундосил Бара. – Двинули?

Я внезапно осознал, что меня беспокоит: обычно, после криков и угроз, человек стреляет; в крайнем случае – дежурный врубает сирену.

– Тревога! Тревога!

«А вот и она, крикливая».

– Оставайтесь на месте. Следите за печкой, – отдал я приказ солдатикам, продолжающим испуганно сверлить меня глазами. – И не вздумайте стрелять.

Тусклый свет красной лампочки в коридоре придавал нашему обиталищу мрачный вид. Я испытал глупую гордость, вспоминая, как ее красил. Обшарпанные стены нам при заселении приказали зачистить, побелить и оклеить обоями – иногда мне кажется, что приказы присылаются из космоса. Ремонт мы ограничились покраской лампочки.

Пол скрипел, особенно под тяжелым Барановым. Двигались мы уверенно – за последние месяцы это место стало нам почти родным: мы тут обжились, знали каждый уголок и каждую скрипучую доску.

Динамик прохрипел:

– Объект «тварь» на территории НИИ!

Здание НИИ Метпром с огромной мозаикой на торцевой стороне называли казармой. За ним располагался штаб, перед ним – пара мелких ангаров: медпункт и склад. Так здесь все сложилось еще до нас, в те далекие времена, когда я ходил в медицинский колледж, Ренат качал бицепсы, а в Зону только-только вошли военные.

Почти все проемы были закрыты: где-то какие-то умельцы восстановили двери, где-то зашили проходы брезентом, – за тепло местные обитатели боролись с завидным упорством, чем-то напоминая сталкеров, которые трясутся над своими старыми комбинезонами.

Я услышал шум шагов на лестнице – видно, не одни мы с Барановым устремились наверх. Третий этаж здания в летнее время представлял из себя так называемый «пентхаус». Вспомнилась шутка, когда один мужик жаловался: живу, мол, на последнем этаже, ем сыр с плесенью, пью старое вино... Вот бы его в сапоги – и сюда, «срочку» отбывать. Тут тебе и плесень на продуктах, и старый спирт, слитый с флаконов, и последний.

Раньше на крышу выставляли патруль. Солдатики по этому случаю туда даже старый полосатый матрац приволокли. Ставр ругался, грозился жестокими карами, а потом решил вопрос просто, по-военному – стал в наряд посылать по двое бойцов: один лежит, бока мнет, другой – контролирует ситуацию.

Все поменялось с холодами. А я еще, наивный, жаловался осенью, что ветер словно сдирает кожу, как наждак, и продувает насквозь, промораживая до костей. Ноябрь тогда еще сопротивлялся, дарил теплые деньки, медленно снимал золотые листья с тополей.

Декабрь же ворвался, как стая слепых собак, чующих кровь. «Внезапно», – прокомментировал появление первых зимних сугробов майор Ставр. И мы буквально за несколько суток утепились так, будто нашу базу собирались телепортировать на Северный полюс.

Подъем по лестнице занял у нас почти минуту. «Тварь. Где же ты, где...»

Вышли на третий этаж. Патрульный прятался от мороза внутри, периодически высовывая нос на холод в небольшие отверстия, проделанные в затянутых пленкой окнах. Кругом – свет от фонарей, беспорядочные тени, которых можно было испугаться до икоты.

– Заняли места по бойницам.

Никто мою команду оспаривать не стал, бойцы разбежались по огромному этажу.

– Доложить ситуацию.

Раньше я думал, что буду получать удовольствие от командования. Ну как же, это же круто: отдал приказ – и солдаты разлетелись выполнять.

А нет, приятного мало. Начинаешь злиться: тот медленно двигается, будто делает одолжение; другой, тупица, высунулся, делая из себя мишень; следующий достает пачку сигарет и судорожно шарит по карманам, ищет огонь, – детский сад, в общем, ясельная группа.

– Проверь, Бара. А то на них...

– Надежды нет, – закончил за меня Ренат и потопал обшаривать этаж и просматривать с высоты местность.

Я подобрался к патрульному, присел подле него, пристроил автомат на коленях, покрутился, осматриваясь. В последнее время появилась у меня такая привычка – подмечать и фиксировать каждую деталь, начиная от мелочовки вроде того, кто и что успел присвоить, заканчивая очень важными моментами, как то: неестественный снежный покров поверх аномалии, следы мутантов...

Минус у этой хорошей, в общем-то, привычки тоже имелся – ресурсы мозга были заняты по максимуму. Не оставалось ни времени, ни желания на то, чтобы подумать о прекрасном и абстрактном. Жизнь приобрела конкретный смысл – выполнять приказы и поддерживать тело в боеспособном состоянии. Гигиена, питание и тренировки. Тренировки, гигиена и питание.

Худой, белобрысый, зеленоглазый солдатик в теплом тулупе, переходящем от патрульного к патрульному, сидел на корточках. Веки его дергались, выплясывая нервный тик...

– Заснул? – строго спросил я.

– Кто?

– Дед Пихто. Или ты вопроса не понял?

– Я не спал, – соврал парнишка. Веки его задергались еще сильнее.

– Еще раз обманешь – за периметром поставлю патрулировать, – пригрозил я.

– Понял, – ответил он.

Я щелкнул его по лбу. Щелбан получился знатный.

К нам приблизился Ренат.

– Чисто. Следов на снегу не видно. Хотя... сверху, ночью... Утром обойдем периметр, – доложил он.

Я указал Баре на второго солдатика, который сейчас курил, оставив свое окно. Ренат кабаном двинулся на парня.

– Ты, Курец, вернулся на позицию. И только попробуй еще раз закурить на посту!

Боец выронил сигарету, наступил на нее.

«Да, – подумал я, – хороший командир выйдет из Бары. Копия майора Ставра».

– Рассказывай, – выдохнул я, повернувшись к белобрысому.

– Я не спал, товарищ сержант, не спал. Холодно, круги наматывал, согреться пытался. Я ж как положено: там выгляну – дорога на Полигон отходов, в другой стороне – поле и речка...

Я медленно забрал у него автомат «калашников» с коричневыми вставками и старым ремнем.

– Боец, а чего ж ты кричал тогда? От холода? – спросил я.

Он вздрогнул, частота моргания уменьшилась.

– Нет, не спал я. Только прислонился к стене. Ногам дать отдохнуть. Тут меня и накрыло.

– Понятно. Дыши спокойно – носом, чтобы горло не застудить. Сейчас вернусь, – сказал я.

Солдатык сфокусировал на мне свой бегающий взгляд. «Пацан – пацаном, – подумал я. – Приснилась ему тварь – вот он и упал на измену».

Тот будто мысли мои прочитал:

– Я не твари испугался. Я испугался того, что сам к ней иду, хотя понимаю: она хочет мою кровь высосать.

И тут загрохотало на крыше.

2

– Бара, Бара, прикрой!

Я рванул в сторону лестницы, кидая на ходу «калаш» зеленоглазого любителю никотина.

– Охраняй!

Парнишка уронил автомат, торопливо бросился его поднимать, был отброшен несущимся следом за мной Ренатом.

Я, перепрыгивая через ступеньки, взлетел вверх, кляцнув на бегу предохранителем своего тридцатизарядного друга, и моментально оказался подле железной двери, выводящей на крышу. «Эх, мне бы такую дверь вместо люка на крыше Фабрики, – мелькнула горькая мысль. – Тогда все было бы иначе: я бы не свалился кулем на пол, не дал бы себя засечь бандиту и оказался бы за спинами врагов, пострелял их, как мишени в тире. Не судьба. Прости, Шмель».

У двери я замер, прислушиваясь. Но кроме разгоряченного дыхания Бары, не отстающего от меня, ничего не уловил – тишина.

Сердце бешено стучало в груди, разгоняя кровь по телу, мне стало очень жарко. Я оглянулся на Рената: щеки красные, шапка сдвинута на затылок; готов выбивать двери и рвать на части любого мутанта, а если мутант еще и фризовец окажется, то вообще...

Я показал условный знак и рванул щеколду. Но она примерзла намертво. Ренат протянул свою мощную ладонь и почти без усилий выдвинул засов. Без усилий, зато с громким скрежетом.

Мы выбежали на крышу. Как и положено работать «двойке» спецназа, мы разделились. Было скользко, но на ногах у меня были отличные тактические ботинки известной фирмы – удобные для любого времени года на Большой земле, да и Зону переносили нормально. Правда, зимой на Территории Отчуждения приходилось надевать под них толстый носок. Достать такие

ботинки было проблематично, но теперь на обуви я не экономил. И поэтому не падал на скользкой поверхности.

Я искал следы мутанта. Весь окружающий мир сузился для меня до нескольких метров крыши, покрытой белым снегом. Ничего не обнаружив, я поднял автомат и выпустил в воздух длинную очередь – в надежде, что тварь в режиме невидимости сидит и ждет добычу поблизости от двери. Но, видимо, переоценил я ее, или, наоборот, недооценил.

– Пусто! – рявкнул я Ренату.

Морозный воздух сразу пронзил легкие ледяными иглами.

– Следы!

Баранов успел раньше меня обогнуть бетонную коробку выхода на крышу.

– Короткими очередями! – выкрикнул я в ответ.

Достаточно было одного мгновения, чтобы понять – моя версия подтвердилась: к нам в гости пожаловал кровохлеб.

– Спина к спине!

Я ринулся к противоположному краю крыши. Меня накрыло чувство дежавю: крыша – провал операции; крыша – сорванные планы по захвату Фабрики; крыша – побег наемника Карима Волка.

«Да что за!..» Я споткнулся, чуть не упал. Выстрелил в ту сторону, где виднелась цепочка огромных, размером со сковородку, следов твари.

Сутулая фигура монстра появилась на самом краю крыши и совсем не с той стороны, куда вели отпечатки его ног.

Я снова выстрелил. Нас с кровохлебом разделяло всего метров пятнадцать, но даже на таком расстоянии он оказался огромным. Луна, как прожектор, подсвечивала его мощную фигуру. Настоящая боевая машина убийства.

Монстр развернулся, расставил в стороны свои длинные ручищи и издал жуткий вой.

Рядом заработал «калашников» Баранова. Ренату тоже понадобилось время для осознания, что перед нами не кошмар из снов, а реальный мутант.

– Сейчас кинется! – закричал я.

Но кровохлеб оттолкнулся от края крыши... и прыгнул вниз. Я не верил, судорожно продолжал искать глазами новые следы твари на белом полотне снега.

– Он спрыгнул! – прогундосил Ренат.

«Спрыгнул или вошел в режим невидимости? Невидимость или спрыгнул? – метались в моей голове мысли. Все факты указывали на то, что Баранов прав, а вот весь мой опыт бился в истерику. – Это хищник, голодный хищник, который не получил свой стейк на ужин. И что для него пара солдатиков? Испугался? Он же не знает, что мы не простые ребята. Нет, лучше я перестрахуюсь».

– Не расслабляемся! – рявкнул я.

И тут раздался грохот: монстр приземлился на крышу с тыла, тем самым посрамив весь мой хваленый опыт. Соседнее здание, ниже на два этажа – вот куда он прыгнул!

Ночное небо осветила сигнальная ракета. Зеленый огонь с шипением и свистом разорвал темноту.

Мы подбежали к краю, я поменял магазин. Баранов профессионально прикрыв меня в этот момент. Да, работать «двойкой» у нас получалась все лучше и лучше. Выглянули. Крыша соседнего здания не выдержала приземления огромной туши кровохлеба и сильно деформировалась. Монстра мы не увидели, но на всякий случай расстреляли вниз по магазину.

– Он от нас сбежал! – с остервенением в голосе сказал Баранов.

– Дурак ты, Бара. Что-то тут нечисто. Просто так кровохлеб не убегает. Пойдем, следы посмотрим.

Ренат зачерпнул ладонью снег, растер лицо. Оно, и без того красное, стало какого-то свекольного цвета. Шапка с моего напарника слетела, и теперь луна отсвечивала на его лысой башке.

В небо взлетели еще две сигнальные ракеты. Солдатики, поднятые по тревоге, наконец-то выбежали, патрульные включили мощные прожекторы, завертелась башня БМП. Хотя чем броневик мог нам помочь, находясь на приколе с другой стороны здания, никто не знал.

Баранов держался мужественно, только дышал очень шумно, словно не он гонялся за мутантом, а тот – за ним.

– Ты видел, какой он здоровый? Такого с удара в челюсть не завалишь. Да и челюсти у него нет – ошметки да трубки какие-то, и клыки как у пауков. Слышь, Кузьма, это ты про него тогда рассказывал: якобы на болотах такую тварь сталкер завалил?

Я промолчал.

– И вообще, ты кличку себе выбери, без нее никак, – продолжил Ренат.

Он задумался и на пике эмоций расшедрился:

– Хочешь, сам себе придумай. Мне скажешь, а я другим протолкну в уши. Будто я придумал.

– Ловлю на слове. Придумаю и скажу. Да, это кровохлеб. Трубки – это не трубки, а видоизмененный ротовой аппарат, в ходе мутаций монстр приобрел способность высасывать кровь из людей. И да, сталкер завалил его дулетом из старого ружья. «Где же ты, Трофимыч? Теперь в моем сердце».

Отношения у нас с Барой после Фабрики приобрели садомазохистский оттенок. Ренат мне так и не простил удара в лицо, а я же плевать хотел на его обиды и вообще на то, что он обо мне думает.

Единственное, что нас сдерживало и заставляло хоть как-то общаться, – это воля Ставра. Майор упрямо лепил из нас боевую «двойку».

– Сталкер? С выстрела? Гонишь. А что это там? – не унимался Ренат.

Он выбрал жесткую позицию по отношению к сталкерам, определив их на ступень ниже военных. Да и вообще – ниже всех. Он считал их сборщиками мусора, слабаками и трусами – и это были еще самые лестные характеристики от бойца спецназа. От недоученного бойца спецназа.

– Отпечатки его лап, – сказал я и спрыгнул. Под моим весом плиты не издали практически никакого шума, и я подумал: «Сколько же весит кровохлеб? Как два меня – килограммов сто шестьдесят? Больше?»

– Судя по сильно утоптанному снегу, он там находился долгое время, – добавил я.

– Курил?

– Ага, Бара, курил и ждал.

– Чего ждать на крыше? Тут уже давно патруль отменили. Или он по старой привычке? – спросил Баранов.

– Да кто же его знает. Он же – мутант... – произнес я и понял, что знаю. Знаю, чего монстр ждал. – Бара, быстро...

Закончить фразу мне не дал звук одиночного выстрела.

3

Я скатился по ступенькам вниз, остановился на миг, вскинул автомат и только тогда решился высунуться и осмотреть третий этаж, с которого и началась ночная погоня. Первое, что я увидел, – дымящаяся сигарета на полу. Дальше – «калаш», который я всучил здесь молодому курильщику. Потом мой взгляд уперся в мертвого зеленоглазого солдата и раскрашенную его мозгами стену.

– Нас Ставр порвет... – тихо сказал Ренат.

– Второй за неделю, – как-то буднично произнес второй солдатик, тот самый Курец. Он потянулся в карман, достал новую сигарету.

Наверное, именно этот его жест окончательно сбил планку моей адекватности.

Боец повернулся к солдатам, щелкнул пальцами, требуя зажигалку. В этот момент я и кинулся на него.

Ренат уловил момент моего рывка, даже попытался удержать меня, но не успел. Приклад моего автомата выбил сигарету и зубы изо рта Курца. Удар получился сильный. Солдатик отлетел, так и не успев прикурить, но удержался на ногах и... получил новый удар. Я бил жестоко, с упоением. Сломал ему ключицу, опрокинул на пол. Добавил еще по зубам.

– Уууу! – завыл он от боли.

– Назад! – крикнул Ренат всполошившимся бойцам. «И то верно. Сейчас меня тронь – и на полу окажется еще один умный».

– Ты – сволочь! Я тебе дал приказ держать его автомат! Как же он оказался у него?!

Я наступил Курцу на грудь, не давая перевернуться. Кровь с его разбитых губ лилась как из ручья. Глаза испуганно блестели в свете фонариков.

– Ну!? Как оказался у постового автомат!? – заорал я.

Ренат держал под контролем остальных, но никто из них больше и не двинулся. Страшно им, молодым, стало.

Курец сплюнул кровь:

– Сам выхватил...

– Сам? А я думаю, что ты оставил оружие возле него, а сам пошел искать огонь! Курить же хочется, а тупой сержант Новиков еще и автомат тебе вручил. Только не пойму, если я лично тебе дал ствол в руки, пока сам за мутантом по крыше скакал, значит это было важно!?

Я кляцнул предохранителем и нажал на спусковой крючок. Пули прошли клеенку, улетели на мороз. Свежий порыв ветра отбросил резкий запах мочи. На штанах Курца расплывалось темное пятно, парень от страха прикрыл голову руками.

– Костыль, успокойся!

Ренат крепко схватил меня за петельку бронежилета. Я отмахнулся. Не поленился, забрал у провинившегося автомат, патроны, нож. Пачку его дешевых сигарет выкинул в окно.

Вот так, правильно говорят: курение убивает. И не всегда того, кто курит.

На третий этаж наконец-то ввалился офицер, держа пистолет Макарова в руке.

– Что тут происходит?!

«Тоже из новичков. С пистолетом. При боевой-то тревоге. В Зоне, где мутант ночью по крышам скачет. Таким пистолетом в этой ситуации можно только застрелиться».

Я отдал чужой автомат кому-то из зрительского ряда и сказал:

– Солдат, доложить обстановку дежурному по части.

И двинулся по лестнице вниз, минуя второй этаж. Входная дверь гулко хлопнула, отрезая меня от творящегося в казарме бардака. Прожекторы светили мощно, недовольно урчал дизельный двигатель, который за потребление десяти литров солярки в час ласково был прозван нами Обжорой.

Свернул направо, по натопанной дорожке под заколоченными окнами добрался до угла здания. Остановился.

Военные сновали по двору, как муравьи в разрушенном муравейнике. Нет, мало все же нас здесь было, очень мало.

Я сгреб чистый снег с карниза, вытер с лица злость. Без полушубка, в свитере и бронежилете, было холодно. Подниматься наверх не хотелось, участвовать в бестолковой суете – тоже. Патовая ситуация. Пиррова победа. Монстр так и не полакомился человечиною, но и мы не

сохранили личный состав. А я обещал Ставру, клялся, что он спокойно может выполнять рейд по Зоне, оставив на нас бойцов.

Майор тогда, после Фабрики, получил нагоняй. За непродуманность и спонтанность операции, в которой погибли военнослужащие. Мы же до весны остались в НИИ Метпром – проходить полевую учебу. И, как намекали, по протекции Бати. А так – загнали бы назад в часть на Границе.

Где скоротать остатки ночи, мне подсказал желудок. Есть не хотелось, хотелось сладкого чаю. За ним я и потопал.

Снег скрипел под тяжестью моего тела, а я всё анализировал эти безумные последние пятнадцать минут. Думал о солдатике, который не вынес эмоционального напряжения, слишком сильного давления Зоны, мысли о том, что можешь умереть в любой момент; думал о том, как я избил Курца – без истерики и эмоциональных всплесков. Со стороны могло показаться, что я находился в состоянии неконтролируемого гнева. Но это только со стороны. Вспомнил вдруг смерть солдата под мостом, на которую я тогда отреагировал очень болезненно. Но с тех пор я зачерствел, как брошенная под стол корка бородинского хлеба. Я понимал всю трагедию случившегося этой ночью, даже, вот, провел аналогию с солдатиком под мостом. Тогда получилось обвинить урку Чеса, а теперь – Курца...

Я постучал в деревянную дверь столовой.

– Открыто! – прозвучал уверенный голос: на дежурстве сегодня был Пельмень – наш незаменимый повар.

– Свои, – сказал я. По привычке оглянулся – увидел, что за мной бежит Баранов.

– Свои в казарме сидят, – ответил Пельмень, когда я вошел, и тут же спросил: – Что опять беда подоспела?

Я потопал, сбивая снег с обуви, поставил автомат на предохранитель. Бодро вытащил патрон из патронника и засунул в магазин.

– Да. Сейчас Баранов ворвется, и все поймешь. Сделай чаек, а, Пельмешек?

– От протеза слышу, – огрызнулся повар, но просьбу сразу выполнил: налил в помятые алюминиевые кружки дымящийся чай, щедро насыпал туда столовой ложкой сахар. Доброй души человек.

Не успел я перенести кружки на раскладной стол, как ворвался Бара. Краснолицый, злой.

– Ты что творишь, Кузьма? Генералом себя вообразил? Бугром?!

Пельмень прикрыл глаза и стал похож на довольного кота: перед ним разыгрывалась драма, которую он сможет потом пересказывать много раз. У каждого есть слабости – Пельмешек, например, любил посплетничать.

– Чай будешь? Или я сам выпью, – сказал я и уселся за стол.

– Костыль! – угрожающе произнес Бара, но его перебил повар:

– Бушлатними и снег стряхни. Я тут за тобой убирать не собираюсь. А то приперся: нараспашку, красноносый, – прямо Дед Мороз.

– Только борода не из ваты, – добавил я. Сел, автомат удобно пристроил на коленях. Горячий чай приятно согревал нутро. Ренат послушно выполнил все требования хозяина столовой. Потом плюхнулся напротив меня, заграбастал кружку. «Ясно. Тоже сбивает с себя нервный налет. Настоящий спецназовец – всегда спокойный. Даже когда убивает врага». Я решил не тянуть кабана за уши.

– Чё не так, Бара? Я все контролировал. То, что он оставил автомат и пошел искать зажигалку, – его косяк.

– Ты его чуть не убил, Костыль. Ты после Фабрики вообще берега стал путать.

– Да? Ну не убил же. Стрелял я в сторону. Думаешь, я из себя крутого изображаю? Нет. Я обучаю их, Ренат. Заодно и наказал. Что ему майор сделает? Три наряда вне очереди? И потом

этот молодой будет ходить себе спокойненько с сигареткой в зубах. Да он же плевать хотел на дружка своего. Отдал ему автомат, тот и застрелился. И чего? Курцу плевать.

Ренат недовольно отвел от меня взгляд и спросил:

– Пельмень, а ничего пожрать нет?

– Пожрать. Вам бы только пожрать. Пацана жалко... – запричитал повар и скрылся на кухне.

– Он добрый. Сейчас принесет, – успокоил я вечно голодного напарника.

– Знаешь, почему тебя не любят и боятся? – внезапно спросил он и сам же ответил: – Я просто по морде даю, а ты убить можешь.

Я промолчал, хлебнул сладкого чая и подумал: «Сегодня вернется Ставр, а через неделю наступит Новый год».

4

Мы лежали на берегу озера, тщательно подобрав место с помощью дозиметра. Отдалились мы от базы не очень далеко, лишь на несколько метров сунув любопытные носы в соседний район. Дальше за озером – черного цвета, словно вместо воды там плескалась нефть, – находился старый завод, где раньше, вроде, располагался лагерь ученых. Но все это, по слухам, отдали бандитам на разграбление.

«Дожились, – мрачно подумал я. – Имея за спиной ресурсы всего мира, отдаем контроль бандитам. Вот и лежим мы сейчас на холоде под пасмурным небом и выполняем черт знает где учебную подготовку. Сунуться куда-то дальше – опасно».

Свежая рана на лбу неприятно зудела, и, чтобы почесать ее, приходилось постоянно снимать перчатки.

– Что, получил? – довольно спросил Слепой.

Я промолчал, только поерзал, удобнее устраиваясь на брезенте. Мы были на тренировке по стрельбе – это зимой-то, да еще со снайперскими винтовками, да еще и били по движущимся мишеням.

– Он, это, почти от всех подзатыльников увернулся, от стакана с горячим чаем – тоже, – вставил Ренат и после паузы добавил: – а вот от доски не успел.

– Ха! – захрюкал Слепой.

– Не хакай, горло простудишь, – посоветовал я. Я был раздражен: мне хотелось поскорее закончить с поражением целей и убраться отсюда назад, в промозглый НИИ Метпром.

– Так ты ж его и вылечишь. А если нет, так Ставр снова доску кинет, – прогундосил Ренат.

– Так я не понял, за что его Ставр? За то, что духа чуть не расстрелял? – спросил Слепой.

– Да нет, не за это...

– Я вам не мешаю, голубки? Если – да, то готов двинуться в часть, а вы дальше обсуждайте, – съязвил я.

Наш треп прервала «мишень»: сталкер в тонкой курточке с большими карманами медленно и как-то неуклюже плелся по снегу, волоча за собой автомат. Неприятное зрелище, даже на расстоянии. Я посмотрел в бинокль. «Так и есть – трупход, идет на нас, как корабль на айсберг», – подумал я и сказал:

– На, Ренат, наводи.

– Ты так вообще в пацифиста превратишься. Стрелять не хочешь, наводить не хочешь... – пробурчал Бара. Слепой уже припал к оптике.

Я отключился от «мишени» и огляделся, взяв на себя прикрытие тыла. Кругом было тихо. Только где-то вдалеке раздавались лай собак и выстрелы. Зона жила и дышала.

Стрелять в сталкеров я не хотел категорически, даже в таких, как этот бедолага, покореженных Зоной. Ренат доложил последние данные, Слепой слился с винтовкой, превращаясь с ней в единое целое.

– Выстрел!

– Мимо, – разочарованно протянул Ренат.

Зато нас заметил сталкер. Он вскинул автомат, открыл огонь. Мы уткнулись в брезент. Материть Слепого никто не стал, мы все же только учились.

– Может, вы его с «калашей» покрошите? – спросил он почему-то тихо.

– Нет. Сейчас перезарядка будет, так что стреляй, – ответил я.

– В жбан, в жбан целься, – посоветовал Ренат.

Я снова потер царапину на лбу и вспомнил сегодняшний разговор со Ставром, когда я и получил эту отметину.

Майор вернулся вскоре после рассвета. Полной группой, без потерь. Сначала ему доложил обстановку полковник, потом Ренат. Меня отозвали с патрулирования периметра части. Началось все со строгого выговора.

– Одобряю попытку педагогического воспитания, сержант Новиков. Но хотелось бы знать: вы и дальше собираетесь меня огорчать своими тупыми поступками?

Ставр прекрасно бы вписался в любую бандитскую группировку девяностых годов. Бритый, с уродливым шрамом на голове, крепкий – по мышечной массе только Ренат опережал командира; с тяжелым взглядом исподлобья, крупными чертами лица. Машина, а не человек.

– Я считаю, что правильно оценил состояние солдата, поэтому забрал у него оружие, приставил соглядатая...

– Ты мне прекращай словечками из блатного мира кидаться, – прервал меня Ставр. Почесал шрам.

Майор сидел за столом в кабинете, таком же прохладном, как и все остальные помещения здания. Единственная привилегия – шахматная доска, которая чаще служила для наглядности. Вот и сейчас, Ставр схватил пешку и стал трясти ей передо мной:

– Минус один! Второй, Кузьма, второй за неделю!

Он кинул в меня черную фигурку. Я чуть отклонился, и она пролетела рядом с моей головой, ударилась об стену.

– А может, еще пешку выкинем? – продолжил командир. Теперь полетела белая пешка. Мимо. – И еще!? А теперь офицера. Зачем нам офицеры, если нет солдат?!

Ставр кидал быстро и сильно. Мне даже пришлось отмахнуться от слона, и он отрикошетил под шкаф, набитый разбухшими от влаги книгами.

– Нам нужна помощь, – ответил я. Спокойно, не теряя выдержку. Он командир, я – солдат. После Фабрики я думал уйти, бросить все к чертовой матери. Но остался. Попросили Батя и Зубр.

Здесь Ставр научил меня больше, чем начмед за многие месяцы. Но майор, боевой офицер, заикленный на войне, оказался беспощадным преподавателем. Казалось иногда, что он мне мстит за стычку на Фабрике, мстит за то, что не убил наемника и, конечно же, за побег Хрипа.

– Какая помощь? Нам надо выловить Кровохлеба и сварить его, как кальмара, – рычал Ставр.

– Все наши попытки заканчиваются провалом. Даже после увеличения численного состава части нам не удастся перекрыть все окна и организовать тотальную зачистку в НИИ, – отстаивал я свою точку зрения.

– Ни одного паршивого сталкера тут не будет. Сами справимся, – зло ответил майор.

– Конечно, не будет. После гнилого финала на Фабрике, они лучше навоз будут есть, чем нам помогать...

Черного короля я поймал. Кинул назад, попал в стакан с чаем.

– Шах и...

Вот тогда-то я и получил доской по лбу. Вначале в меня полетели оставшиеся шахматные фигурки, потом журнал учета боекомплекта, следом – журнал проверок личного состава. А потом – доска. Я успел среагировать, поэтому на лбу у меня остался не шрам, а так, царапина.

– Шахматист выискался! А доска – в наказание. Понял за что?

– За правду? – не стал я юлить.

– За то, что помощь не оказал. Медик у нас один на всю округу – это ты. Свободен, сержант.

Из воспоминаний меня вырвал выстрел.

– Лежит, – констатировал Бара.

– То, что он лежит, даже я вижу. Он мертв? – поинтересовался я.

– Да кто ж гарантию даст? Это же труподоходы. Истории про них такие прикольные рассказывают.

– Ага, они под нос себе бормочут ерунду всякую, – сказал Слепой, поглаживая цевье винтовки. Зомбированный сталкер не поднимался. Я же посматривал по сторонам. Чертово озеро не замерзало, и вода в нем плескалась, как в стакане, который держит в руках алкоголик. Странно это было. Может, там были геотермальные ключи? Так вода – холодная. Аж до костей пробирала. Ставр при начальном осмотре места будущего стрельбища проверил: кинул в озеро гранаты. Ничего не всплыло, не завыло. Однако и не замерзало озерцо. А сейчас по ту сторону лежал сталкер с простреленной головой. Штатный снайпер Слепой тренировался в стрельбе по движущимся мишеням. И трудно было понять, дарит он зомбированным долгожданную смерть или отнимает их жизни.

Бара и Слепой снова затеяли дурацкий спор.

– Какую ерунду они бормочут?

– Например, – снайпер понизил голос, – «доченька прости, не вернись». Или «мой артефакт, мой!».

– Seriously? А я слышал от бывалых, что молчат зомби. Якобы у них у всех судорогой лица перекосило, поэтому говорить они не могут.

– Да нет, они просто ни с кем не общаются и палят сразу. А так, сами с собой, говорят.

– Если с другими не общаются и палят во все живое, то откуда ты знаешь, что они про дочь и арты вспоминают? – пытался Бара прижучить болтуна.

– А я и не знаю?! Это кто-то сам слышал, когда они рядом бродили.

– Да ну, врешь ты, Слепой, врешь. С этих труподоходов взять же нечего, бомжи бомжами. Их сразу же отстреливают и даже не подходят потом за их оружием. Оставляют гнить...

– Заткнулись, – приказал я. – Бара, посмотри резче, вроде с двух сторон рогоза гнется.

Ренат припал к биноклю. Я выхватил оптику и бегло оценил обстановку на берегу.

Со стороны убитого сталкера-зомби двигался его напарник, а вот с другой – еще вооруженная парочка. И, судя по форме, это были военные.

– Что там? – просипел Бара. Ему ответил Слепой:

– Там три цели. И если они начнут все вместе палить, то нас зацепят!

5

Я обдумывал ситуацию, пытаясь найти наилучший для нас выход из намечающейся в скором времени заварушки, но решил не торопиться, понаблюдать.

– Так ты им головы прострели, – посоветовал Ренат нашему снайперу и прижался еще сильнее к земле. Тонкий брезент не спасал нас от холода, который буквально выкручивал нам кости. Я же не отрывал взгляда от ползущих по снегу труподоходов-военных.

– Простите, пацаны, не потяну: ветер поменялся, и сразу несколько целей, – признался Слепой.

– Уходим. Сейчас же стрелять начнут, – запаниковал Ренат и начал пятиться назад. Я его остановил, схватив за шею.

– Слепой, приготовиться к стрельбе. Цель раз – трупход в одежде сталкера, цель два – военный.

Снайпер, контролируя дыхание, выполнил приказ. Выстрелы прозвучали в морозной тишине как щелчки кнута.

– Ну, что там? – спросил Ренат.

Слепой не попал в сталкера. Зато пуля отыскала зомби-военного: тот схватился за грудь, зашатался, как тополь под сильным порывом ветра, и осел мешком в рогозу.

– Раз – мимо, два – в грудь, – прокомментировал я.

И вдруг зазвучала целая симфония из выстрелов. Второй военный засек сталкера, который остановился у трупа своего напарника. Очередь, выпущенную из «калаша», я уже не спутал бы по звуку ни с чем. Сталкер задергался, даже вроде успел вскрикнуть. Первый военный, в которого попал Слепой, присоединился к уничтожению врага. Сталкер попытался защищаться: вскинул ружье, выстрелил дуплетом. Начал перезаряжаться. Выглядело это все так, будто он не хочет бросать своего убитого друга.

– Ничего же себе! – возбужденно выпалил Бара.

– Стреляй, Слепой. Чего ждешь? – спокойно сказал я.

Наш снайпер наблюдал за развернувшейся перед нами бойней.

Сталкер успел перезарядить ружьишко, еще раз потревожил местность выстрелом с двух стволов и упал, сраженный автоматной очередью.

Слепой тоже выстрелил. Военные развернулись в нашу сторону. «Да, ё-моё, у них в мозгах навигатор, что ли!» – мысленно удивился я и вслух сообщил:

– Попал в голову.

Последний трупход завозился с затвором. Ренат снова попытался вскочить. Я опять его удержал.

– Ты куда собрался?

– Да сейчас я его достану. Слепой, давай махнемся местами. Мне тоже стрельнуть охота.

Мне нравилась простота Баранова. Собрали нас как-то в классе, приказали завести тетради, обязательно подписать: «Тетрадь для секретной подготовки, звание, фамилия, номер роты». Строго-настрога предупредили, что за потерю такой тетради, то бишь секретных данных, нас покарают лишением свободы. Я сначала приятно удивился, надеясь на этих занятиях восполнить пробелы в знаниях. Блокнот Трофимыча был зачитан мной до хрупкости страниц, на которых очень полезная информация про мутантов и аномалии перемешивалась с мыслями старого сталкера. Но рано я радовался. Первым тревожным звоночком стал сам лектор. Им оказался не какой-нибудь опытный залетный сталкер и даже не Ставр. Это был худой и какой-то жалкий на вид подполковник, зачитывающий нам под запись «зиверты и рады» с книги восьмидесятых годов. Секретно. Пробежались на этих лекциях – весьма скудно пробежались, к слову, – мы и по зомбированным. Мне за них стало даже обидно – в классификации их отнесли к условно живым и мало разумным.

Ренат в своей тетрадке так и написал: «трупы, которых можно убивать без проблем». Даже в рамочку обвел это заключение. Под определением «без проблем» он, правда, подразумевал не конкретные боевые действия, а отсутствие наказания со стороны начальства.

Баранов со снайпером поменялись местами, я безразлично отдал Слепому бинокль. Патронов для СВД мы взяли достаточно, и Бара принялся палил в оставшегося военного-зомби.

– Интересно, – произнес я задумчиво.

– Что интересно? С какого выстрела этот лупоглазый попадет? – спросил Слепой. Я тоже видел, как размытый силуэт зомбированного падает после выстрелов Рената, долго лежит на снегу и медленно поднимается. Можно было даже заподозрить Бару в садизме, но мы прекрасно знали о его снайперских способностях, которые, мягко говоря, были далеки от идеала... Хотя, у меня выходило еще хуже.

– Попал, – сообщил Слепой. Баранов повернулся к нам.

– Слышь, шахматист, ты чего мне под руку наговариваешь? А?

Вдруг зашипела рация. Я перевернулся на бок, долго извлекал ее из недр тулупа.

– А вдруг это военные-труподоходы с нами связаться хотят, – сказал Слепой и попытался улыбнуться. Кривовато и как-то неуверенно это у него получилось.

Выуженная из тепла рация разразилась трескотней, среди помех проскочило:

– Вернуться...

Баранов засмеялся, следом захохотал Слепой. Даже я скупно улыбнулся, узнав голос Ставра.

– Тройка – центру. Принял, – ответил я.

Раньше связь в Зоне была значительно лучше, даже сталкерские наладонники работали шустро, показывали соседей. Я еще с Трофимычем застал те времена, когда можно было вести переписку. Грешили на Всплески, потому что после каждого связь становилась все хуже и хуже. Вот и наша рация, которая без труда должна была ловить сигнал с НИИ, только стрекотала и шипела.

– Минута на сборы, – распорядился я, встал, не прекращая взглядом контролировать территорию, размялся, разгоняя кровь по сосудам. Сложились мы очень быстро, и, перед тем как выдвигаться, я остановил Рената и сказал:

– Бара, забудь. Ты хорошо отстрелялся, а они... уже давно разжалованы.

– Шахматист, ты вообще странный стал. На Фабрику двинулся нормальный солдат, а вернулся...

Он замолчал, подбирая слова. Такое с ним редко случалось.

– Забей, Бара, – сказал я снова. Подставил ему кулак, и он ударил по нему в ответ.

– Ничего, я тебя завтра на тренировке угрожаю. Жим лежа, соточка и четыре подхода по десять раз.

– Баранов, мужик должен жать свой вес. И поверь, мне трех подходов хватит, – отказался я, а сам подумал: «Нет, братами с Ренатом мы точно не станем. Такое случается, Зона решает все сама, смешивает нас, людишек, по своему усмотрению. Остается или стать бешеной собакой и кидаться на всех или найти с коллективом общий язык. До поры до времени. Друзей здесь нет и быть не может, зато есть враги, причем двух видов. Одни сейчас – активные противники, другие – временные союзники. Но все равно и те, и другие – враги».

– Ну, чего стоим? Надо быстро бежать, раз Ставр вышел на связь, – вмешался Слепой. Снайпер был человеком майора. Преданным псом. Как и Шмель, который уже отжужжался.

Да и Ренат, как мне казалось, становился таким же. Командир для каждого из нас готовил свою роль: Слепой – снайпер, Ренат – замена Шмеля, боевик с автоматом; а я, сержант Новиков, – разведчик и просто убийца, а если говорить языком сталкеров, то «отмычка» и стрелок.

– Так топай. Кто мешает? – спросил я и тут же добавил: – Ладно, не бойтесь. Это моя работа – водить вас по полям и лесам Зоны.

Потом попрыгал еще для сугреву, достал болты из кармана и сделал первый бросок.

6

На пути нам попалась всего одна аномалия – и та самая безобидная. Я даже остановился, с ностальгией вспоминая первую встречу с ней – на болоте. Зимой Зона изменилась до неузнаваемости. Снег выдавал множество скрытых в другое время года ловушек. Надо было только проявить внимательность и знать, что конкретно искать. Ветерок, который играл с нами в «догонялку», поднял в сторонке сухой снег, смешал его с дымкой, висящей над рогозой, и аномалия преобразилась, заискрилась.

– Слева, на девять. Аномалия «кислотный студень», – предупредил я.

Согреться никак не получалось, двигались мы медленно, иногда останавливались. Мне казалось, что моя кожа потихоньку покрывается тонким слоем льда.

– Что будем делать? Идем в другую сторону? – забеспокоился Ренат.

– Стоим.

– Или идем в другую сторону? – переспросил Слепой.

– Нет, стоим, смотрим и любимся.

– Чем любимся? – снова поинтересовался Ренат.

– Аномалией, конечно. Глянь, как смешались дымка и снег. Искры вылетают, как бенгальские огни. Красота, Новый год скоро...

Я вспомнил дом, елку, которая пахла на всю квартиру, иголки на паркетном полу. Вспомнил родителей. Они все же разъехались. Мама написала, что, признайся отец в измене, она его простила бы. А отец все отрицал. Упрямо и без колебаний.

Бара шумно высморкался, выдергивая меня из раздумий.

– Что, налюбовался? У меня ноги уже замерзли.

– Не надо экономить на обуви, тогда и копыта мерзнуть не будут. Двинули, черствые людишки. Не способны вы видеть и ценить красоту.

Я заметил, как Слепой покрутил пальцем у виска, а Баранов недоуменно пожал плечами.

Снег снова заскрипел в такт нашим шагам, словно жалуясь, что такие тяжелые лбы топчутся, портят его белый покров. Скоро мы выбрались из болотистой местности. Рогоза и камыш остались позади, наконец-то показалась дорога. Я кидал болты, которые безвозвратно уходили в снег. Послышались звуки выстрелов со стороны свалки – Полигона отходов. Опять кто-то воевал. Только Бар был объявлен нейтральной территорией, хотя я мало этому верил.

Мы добрались до блокпоста. Укутанный в тулуп боец вытоптал целое поле перед перегораживающими проход плитами. Солдат смотрел на нас с интересом, чуть ли не открыв рот от удивления. Год тому назад и я так же, с придыханием и восхищением смотрел на разведку. В его глазах мы сейчас были вооруженными до зубов хищниками.

– Раз-два, вольно. Ты чего тут один стоишь? Приказ Ставра: дежурить только парами. Да и то мало будет. Вас вообще надо толпой выгонять.

– Приказ на приказ: всем собраться и начать штурм коллектора, – произнес солдатик и зашелся в сухом кашле.

– Тля, – выругался я.

– Афигеть, – добавил Ренат, и лишь Слепой промолчал.

– Зайдешь после, таблеток отсыплю, – сказал я караульному и ринулся к зданию НИИ.

Ставр, словно поджидая нас, стоял на входе. Настоящий военный: в бронежилете и каске, с автоматом, подсумком с патронами, с гранатами и сигнальными ракетами, – brutальный дядька, в общем. Он властно раздавал указания, показывал на коллекторный колодец.

– Товарищ майор, учебно-тренировочное задание выполнено. Цели уничтожены... – доложил я, отдав честь.

– Чего так рано? – спросил Ставр.

– Задача выполнена и, согласно учебному плану, мы вернулись на базу, – сказал я. И тут влез Баранов:

– Так, это, товарищ майор, вы ж по радейке сами сказали – вернуться.

Ставр поманил его пальцем, и, когда Ренат приблизился, втянул воздух носом и, внимательно посмотрев на красное лицо бойца, тихо спросил:

– Ты чего, солдатик, не в себе? По какой радейке? Я уже забыл, когда по ней связывался в последний раз.

– Эээ, – Ренат обернулся, ища у нас поддержки. Слепой сразу начал демонстративно заниматься винтовкой, бережно осматривать оптику.

– Что ты экаешь? Баранов, не мычи. Знаю я вас, спортсменов, опять, небось, протеина наглотался?!

– Товарищ майор, мы все вместе слышали по рации приказ вернуться на базу, – сказал я, делая акцент на слове «вместе».

– Прохиндеи, – пробурчал майор. – Слепой – на крышу, вы – со мной в коллекторные подвалы.

– Зачем нам туда? – спросил я настороженно. Хотя все уже понимал: разворошил крохлеб осиное гнездо, завел нашего командира, разозлил.

– Коллектор требуется обследовать и зачистить. Вот ты и будешь помогать его вычищать. Я ж тебе пообещал, что приму меры.

Я отметил про себя, что вокруг царилка какая-то неестественная суэта. Солдатики с испуганными лицами бегали по заброшенной территории с оружием в руках. Я заметил, что всем выдали усиленный боекомплект. Все было серьезно. А значит, Ставр решил прошерстить коллектор полностью.

– Товарищ майор, я думал, вы одобрите мой план действия...

Командир вместо ответа толкнул меня плечом и двинулся от ворот к открытому люку, раздавая на ходу указания.

– Бойцы, я не понял, почему еще на поверхности? Быстро на выполнение задания! А ты куда канистру тянешь? Давай все вниз спускай! Самому страшно – бери старшину!

Слепой шустро побежал в сторону здания, и только Ренат остался на месте.

– Товарищ майор! – крикнул я. Слова, как пули, полетели в широкую командирскую спину. Но тот даже не обернулся. Таким Ставра я не лицезрел со времен срыва операции на Фабрике. Накрыло его тогда хорошо, и, как оказалось, это безумие очень удачно вписалось в его план по захвату бандитов и сталкеров.

Вот и сейчас я понимал: вся эта суэта с коллектором – это новый приступ посттравматического синдрома. И в этот водоворот своего умопомешательства Ставр затягивал и солдатиков, которые крохлеба видели только в кошмарах.

Снег мешал быстро двигаться, но я не отставал от майора, и к отверстию, ведущему в подземный мир, мы подошли вместе.

– Что, вспомнил устав? Чего загавкал: товарищ, товарищ... Ты у нас кто, разведка? Вот и давай, шуруй. – Ставр посмотрел мне в глаза.

Я вдруг понял, в чем дело: корил себя Ставр за потерянного ночью пацана. Я себе тоже места не находил, но сыскал все же силы отсечь мысли о случившемся, а он, командир, не выдержал.

– У меня другой план.

– Да знаю я тебя, Кузьма. План: взять сталкера, а лучше – много сталкеров. Да? Сами мы не справимся, не одолеем мутанта? Ты что, себя крутым считаешь, молокосос? Мы тут их убиваем и будем убивать.

Ставр не кричал, не повышал голос, и именно от этого становилось не по себе, но я все же не сдавался.

– Это странный кровохлеб. И да, малой группой с опытным сталкером у нас есть шанс убить эту тварь.

– Сержант, у вас две минуты на то, чтобы привести себя в порядок и заняться делом. Или вы настаиваете на своем предательском плане? Хотите, как и в прошлый раз, привести крысу в наши ряды?

Ставр ринулся к колодцу, заглянул в него, оценил обстановку. Перед тем как исчезнуть в недрах канализации, он добавил:

– Говорю откровенно: еще раз посмеешь гнать пургу про помощь от сталкеров, я тебя выкину из части, как глистного котенка. И никто меня не заставит тебя дальше терпеть.

Солдатики, стараясь не смотреть на меня, полезли за майором.

Я стянул шапку, погладил автомат, посмотрел на небо. Пошел снег, жесткими крупинками неприятно царапая кожу. Что тут было думать? Иногда лучше молчать и тихо сопеть. Я снял с ветки сосульку, закинул в рот, стараясь смыть горечь, и полез в коллектор – за майором Ставром и остальными бойцами.

Пальцы

1

Вроде уже должен был привыкнуть, ан нет. Все в Зоне как-то не так, не по логике вещей: проверенные временем радейки вдруг перестали работать, зато через столько лет разрухи в старом вонючем подземелье, где даже бетонные кольца входа-колодца потрескались и держались на честном слове, мигала красная лампочка.

– Перегруппироваться!

Голос Ставра эхом отскакивал от стен. Я попрыгал, проверил автомат и двинулся за группой.

Нет, это был даже не коллектор, а широкий ход по теплотрассе. Вдоль стен круглого туннеля тянулись толстые трубы и электрические кабели с потрескавшейся обмоткой.

Поворот и спуск по ржавой лестнице с гнилыми ступеньками. «А я-то думал, в этом подземелье время остановилось! Выходит, и здесь оно точит потихоньку человеческие сооружения. Пожирает всё, что создано непосильным трудом, переваривает», – размышлял я.

– Осмотреться!

Помещение, в которое мы попали, было немаленькое, со множеством подпирающих свод колонн. Вокруг опасно торчали железные прутья, валялись бочки и груды тряпья с неприятным запахом разложения. Глаза наконец приспособились, и я понял, что освещение в этом зале было каким-то странным – зеленоватым, как от гриба гнилушки. Свет исходил от лужи в углу помещения, обнесенной металлической сеткой.

Казалось, эту аномалию специально огородили, намекая, что к ней подходить не стоит. Солдатики не спешили разбредаться или идти дальше, в темные коридоры. Они собрались возле Ставра, как овцы, чующие волков, жмутся к пастуху.

Все, кроме самого любопытного солдата. Он присел возле проломленной сетки и завороженно уставился на зеленоватую лужу, на поверхности которой лопались мелкие пузыри.

– Эй, не трогай «студень»! – рявкнул я ему.

Он посмотрел на меня, кивнул.

– Сержант Новиков, ко мне, – приказал майор.

Я подошел к командиру и выпалил, не дожидаясь, когда он начнет снова отчитывать меня:

– Ставр, надо поднимать парней на поверхность, я приведу опытного сталкера. Только с проводником...

– Сержант, – прервал меня майор, – еще раз предложишь этот вариант, и я тебя из Зоны лично выведу.

– Как тех сталкеров? Или как Хрипа, который нам помог? – уточнил я.

– Я его убежать от правосудия не заставлял. Он сделал свой выбор. Запомни. Если будешь продолжать в том же духе, то закончишь так же, как этот урод просторовец, – понизил голос Ставр. – И это не угроза, а предупреждение. Понял, сержант?

Я усмехнулся. Провел пальцами по уголкам рта. Видимо, этот жест, который я перенял у бандита Чеса, бесил Ставра.

– Сержант, проверь аномалии. Пора тебе вбить себе в голову, что незаменимых людей очень мало.

В ушах у меня вдруг зашумело, как будто я оказался под водой, стало очень жарко, кожа покрылась липким потом. И, видимо, подобные ощущения в это мгновение испытывал не только я.

– Что это? – испуганно спросил кто-то из солдатиков.

– Отставить панику, боец, – уверенно ответил Ставр. Он внешне был очень спокоен, но истинное психологическое состояние командира выдавали тонкие струйки пота, стекающие по его вискам.

– Замерли и максимум внимания! Сержант проверит помещение, даст команду, и тогда выдвигаемся. Только по команде!

Как по мне, я бы вообще не стал ничего проверять в этих темных коллекторных коридорах без должной подготовки. Сам же Ставр, который меня и учил осторожности, теперь лез на рожон. Да еще и молодых пацанов за собой тащил.

Снова раздался этот странный, теперь уже отчетливо похожий на утробный, звук, вызывающий головокружение и шум в ушах.

Раздались нервные вскрики солдат. Я подумал, что даже при штурме Фабрики настроение у нас просто зашкаливало – по сравнению с этим унылым блеянием.

– Так, если заметили колебание воздуха – сразу открываете огонь на поражение! – начал я командовать. Майор одобрительно кивнул.

– На поражение воздуха? – спросил солдатик со смешными усиками.

– Чего? – переспросил я, подойдя поближе. Нет, пугать я его не хотел, просто он стоял на моем пути.

– Не узнал вас, сержант Новиков, – сказал он.

Я смачно плюхнул ладонью по его плечу.

– Молодец! Если бы попросил извинений, то получил бы сразу в печень. А так – молодец, не стусевался! – похвалил я парня. – Стреляем, а потом уже сопли разводим.

Я приблизился к бойцу, сидящему возле аномалии:

– Сюда не лезем. Кислота, по сравнению с этой лужей, простая водичка.

У этого солдата на каске красовалась наклейка из синего скотча: буквы и римская цифра – группа крови. Такое я видел впервые. «Ладно – подумал я, – чем бы дети не тешились...» Солдатик этот поднял камешек и кинул в зеленоватую лужу.

Получилось красиво. Но все красивое в Зоне таило в себе смертельную опасность. Сначала из аномалии в воздух ударила струя зеленого пара, потом лужа словно закипела. Оттенок «студня» в месте падения камня начал меняться – от насыщенно зеленого до салатого.

Я постучал по каске любознательного мальчика.

– Отойди уже от аномалии. Брызги попадут – разъест до кости.

Еще в самом начале, когда мы только зашли в это помещение, я увидел в глубине два ответвления от основного зала – два коридора: правый зиял темнотой, а вот из левого шел какой-то синеватый отсвет. Я достал из кармана болт и направился ко второму туннелю – подсвеченному, догадываясь уже, какую аномалию там найду. Прекрасную, добрую аномалию. Я взял автомат на изготовку, приблизился к солдату, который прикрывал этот коридор.

– Там что-то сверкает, как маленькая молния, – доверительно сообщил мне боец.

– «Разрядка». Не суйся туда. Смотри – такое в жизни нечасто увидишь, – предупредил я парня и кинул болт в нутро туннеля. Раздался знакомый треск. Коридор наполнился яркими вспышками.

На другом конце бетонного рукава мелькнула тень. «Зараза, раздаю тут нравоучения, а сам среагировать не успел».

– Бууум!

В этот раз звук был очень тяжелым. Мозг мгновенно запульсировал от свалившейся на него извне нагрузки, но уши не заложило. Солдатики замерли, ошкетинившись стволами авто-

матов. Некоторые бойцы присели, другие прижались к бетонным столбам. Даже Ставр наклонил голову, как борец в стойке.

Яркие искры от «разрядки» исчезли, воздух наполнился запахом озона. Что ж, теперь я знал, с кем мы воюем. Осталось только перегруппироваться и начать наконец зачистку коллектора.

Но в следующий миг произошло то, что я запомнил навсегда. Солдатик с группой крови на каске опустил руку в «студень». Зачерпнул ладонью зеленую жижу, пропустил сквозь пальцы. Рука бедолаги задымилась, а вязкая жидкость вместе с плотью потекла в лужу.

Завопил боец не сразу. Я успел несколько раз вдохнуть и выдохнуть, надеясь, что это галлюцинация.

Вопль ударил по ушам. Жуткий вопль. Солдатик закричал от ужаса. Он тряс перед собой изуродованной рукой, с которой стекало мясо.

Практически одновременно с этим диким криком на нас обрушилась новая волна шумовой атаки, давящей с удвоенной силой на мозги.

2

Аптечка! Чертов карман на штанах никак не хотел открываться.

– Держи его, держи!

Мои приказы перекрывал грохот выстрелов. Исполненный боли крик изувеченного солдата словно стал сигналом к общей панике. Началась беспорядочная пальба в сторону коридоров.

– Прекратить огонь! – Это уже кричал Ставр.

– Держи!

Солдатик с усиками, майор и я пытались в этом оглушающем хаосе удержать на полу бьющегося в агонии любителя «студня».

– Свет!

Я шлепнул раненого по щекам, заглянул в его глаза, оценил состояние зрачков. Мы буквально распяли парня на полу, не давая прикоснуться ни к чему обожженными кислотой пальцами. Я достал из аптечки шприц-тюбик, сорвать с него блестящую обертку, сдернул колпачок. Игла блеснула в свете довольной аномалии, получившей свою жертву.

– Черт тебя побери! – прорычал я.

Укол, и еще обезболивающие. Солдатик перестал вопить, начал всхлипывать. Губы он себе прокусил, и теперь из них лилась кровь. Однако это было не самое страшное.

– Ставр, – сказал я и кивнул на пальцы несчастного. Зеленая жижа медленно, но уверенно продолжала пожирать руку бойца, захватывая плоть все дальше и дальше.

– Смоем? Сотрем? – спросил майор.

– Чем? Тут только вжик поможет.

Я взял автомат солдата, сорвал жгут с приклада (да, бойцы соблюдали старую традицию: приматывали к оружию индивидуальный перевязочный пакет жгутом), крепко наложил на предплечье парня. Он начал терять сознание, дернулся, словно предчувствуя новую беду.

Стрельба утихла, и теперь огонь велся короткими очередями. «Пусть стреляют, – подумал я. – Главное, новых звуков со стороны проклятого коридора мы больше не слышали. Это очень хорошо. Спугнули тварь».

– Зажигалку, – произнес Ставр. Усатый тут же подал огонь. Солдат понял наши намерения и начал трястись не меньше обожженного кислотой товарища.

– Как он умудрился упасть в аномалию? – сквозь зубы спросил командир.

– Не упал. Сам руку засунул, – ответил я.

Ставр ловкими движениями соединил части раскладного ножа так, что они превратились в импровизированные кусачки.

– Этим ножом можно даже стальные прутья перепилить. Или пальцы. Готов?

Я плотно зафиксировал руку отключившегося от болевого шока бойца, слегка ее приподнял. Остатки мизинца отлетели под нажимом лезвий ножа без проблем, потом безымянный палец... Ставр без всяких эмоций на лице четко перекусывал «кусачками» фаланги пальцев солдата. Надо было успеть раньше «студня».

– Не надо!!!

Бедолага пришел в себя, забился, как рыба на льду. Он крутился, стараясь вырваться, выли и орал. Боец с усиками почти слетел с него, но кто-то помог удержать...

– Режь! – крикнул я Ставру. Псевдокислота ускорила и теперь с быстротой огня пожирала пальцы парня. Еще чуток – и перекинулась бы на кисть.

– Держи лучше! Да, так.

Средний палец отлетел. Кровь хлестала как из ведра. С указательным разобраться никак не получалось. Я навалился на обожженную ладонь, рискуя и сам влезть в зеленоватые капли «студня». Лезвие ножа чиркнуло по бетону, срезая палец.

– Давай большой!

– Подожди, вроде нет на нем слизи. – В тусклом свете фонарей я внимательно осмотрел оставшийся палец, чуть ли не обнюхал его, как собака, выискивая повреждение.

– Нет, чистый!

– Режем или нет?!

– Нет!

Я разорвал перевязочный пакет, и в этот момент снова ощутил шум в голове, удар по мозгу. Оскалился, чувствуя, как во мне закипает ярость. Инстинкт заставил меня оглянуться. Высокий солдатик, который несколько минут тому назад испуганно пятился от «разрядки», теперь стоял прямо перед ней и раскачивался, будто находился на краю пропасти. Он уже собирался рухнуть в озеро электричества, когда я схватил его за шиворот и завалил на спину. Удушьяющий прием, перехват автомата – и я начал оттащить бойца от аномалии.

– Бууум!!!

Мозги начало тошнить. По-другому описать эти ощущения я бы не смог. Головокружение вперемешку с нарушением координации движений, словно меня час крутили на качели.

– Ставр!

Все же я справился с солдатом, оттащил его в сторону, хотя он сопротивлялся.

– Он у входа! Сзади, сзади!

Это была уже настоящая паника. Паника, которая стубила немало людей в сложных, но разрешимых, в принципе, ситуациях. Солдаты находились на грани истерики. Выход, единственный выход, перекрыл мутант.

– Все умрем! Теперь мы все умрем! – орал солдатик с усиками, он же и открыл огонь на поражение. Пули полетели в сторону ржавой лестницы.

Ставр сориентировался мгновенно. Он вырвал автомат у усатого, каким-то непонятным движением заломал нервному бойцу руку и посадил его сверху на солдата с ампутированными пальцами.

– Отставить истерику! Начать эвакуацию на поверхность! Начинаем с раненых и беременных. А ты, Баранов, в следующий раз подавай команду голосом, а не шарканьем подошв.

Рассерженная морда Рената, которого все приняли за монстра, появилась из-за угла. Он обвел нас тяжелым взглядом, вычислил усатого и показал ему кулак. Внушительный такой кулак.

– Баранов, занять позицию возле аномалии. Охранять ее будешь от любителей кислоты и электричества.

Ренат кивнул, завис на миг возле Ставра и...

Солдаты ринулись на поверхность, опережая друг друга. Я остался с Барановым. По нынешним временам мы были уже опытными, проверенными в деле бойцами.

– Замыкаем! Выходим крайними! – почему-то проорал я.

Бара смотрел на пол, на остатки пальцев в зеленой слизи. Стащил шапку, вытер ею бритую голову.

– Слышь, Кузьма, ты тут что, в гестапо играл? Зачем пацану пальцы отрезал?

– Коллекцию начал собирать, – огрызнулся я.

Последним из бойцов уходил усатый.

– Это этот, сын швабры, в меня стрелял? – спросил, глядя на него, Ренат.

– Он не со зла. Замри, Бара, – ответил я. И тут же резко направился к темному коридору. Чуть высунулся из-за угла, с упоением нажал на спусковой крючок. Стрелял короткими очередями. Эхо выстрелов побежало по туннелям.

– Ты чего, Кузьма?! Чего там?!

– Ничего. Думал, что просчитал гада, а он, видимо, спрятался. Трусливая гнида, – объяснил я свой поступок. – Ладно, хватит на сегодня. Остановимся на малом: не убило никого – и то хорошо.

– Нет, Кузьма. Я ж чего полез в коллектор. Ставру сообщить, – произнес Ренат. И показал два пальца.

3

Этот ужасный день закончился не менее ужасным вечером и перекинулся в беспокойную ночь. Большой метался в кровати, баюкая изувеченную кисть. На меня он, придя окончательно в себя, реагировал с лютой ненавистью и поначалу не давал обработать рану. Очень хотелось его успокоить в стиле Рената, но я проявил терпение. Пододвинул табурет, сел рядом и спокойно объяснил, зачем мы, изверги, отрезали ему пальцы. Пальцы на правой, рабочей руке.

После этого я отправился снимать стресс в нашу «качалку».

– Помоги, – просипел Ренат. Его красный лоб пересекала вздутая от напряжения вена.

Я слабо потянул гриф штанги вверх, приговаривая:

– Сам, сам тяни! Вот, молодец.

Гриф с металлическим лязгом опустился в пазы. Ренат выжал из легких воздух и тут же вскочил со скамьи, вращая руками.

– Все, твоя очередь.

– Пропущу, – сказал я.

Зал, в котором раньше стоял бильярдный стол, спаленный еще месяц назад, переоборудовали в тренажерный. Ренат просто ошалел от счастья, когда в подвале обнаружил сваленные в кучу самодельные «железяки»: штангу, переделанную из оси машины, облезлую гирю, раритетную гантель и залитые цементом банки из-под краски. Я не понимал его радости. Турник, брусья и дорожка под ногами – лично мне больше ничего и не нужно было. Но здесь, под руководством напарника я рьяно, если так можно было про меня выразиться, взялся за дело. Смешно. Дома я «железо» вообще не тягал.

– Давай, давай, не ленись, Кузьма, а то таким дрыщем и останешься!

Я посмотрел в окно – с целым, как это ни странно, стеклом. Суровый декабрь выдался в этом году. На улице, замотанные в брезент, лежали тела мертвых пацанов. Утро началось с серого рассвета и... хмурого Ставра. Было от чего хмуриться. Потерь мы не несли с осени. Даже самострелов раньше не было. Майор Ставр как мог бодрил солдатиков. Но, видимо, не помогло.

Местный командир, подполковник, занимающийся в части тыловым обеспечением (судя по холодным стенам наших жилищ, получалось у него не очень, но с боевым направлением он справлялся еще хуже), тоже старался поддерживать ребят.

Теперь этот суетливый, но в целом очень неплохой мужик стоял возле погибших, стянув с головы шапку. Не для него была работа в Зоне. Слишком он был мягкий. Не вредный, не подлый, а просто мягкий.

Я прислонился лбом к стеклу. Обжигающий кожу холод растекался по голове, в затылке начала пульсировать боль. После коллектора голова непрерывно болела и кружилась до самого утра. Этот «бум», который нехило потрянул наш отрядец, вывел меня из равновесия. К Зоне я уже привык, мне уже не мерещилось, что за каждым валуном – аномалия, а за каждым кустом – кабан. С другой стороны, я понял, насколько верным было решение тренировать нас в самой Зоне. Теперь я, анализируя каждый свой шаг, а иногда полагаясь на инстинкт и опыт, точно знал, за каким валуном аномалия, а в каких кустах – кабан. И чем больше узнавал Зону, ее коренных обитателей – сталкеров и мутантов, тем больше понимал, как же я мало понимаю.

– Костыль! Чё ты прилип к окну, как муха к повидлу?

– Слышь, Баранов, а как пишется «не» с глаголами? Слитно или раздельно?

– Чего?

Я оторвался от оконного стекла.

– Ничё. Тебе какой тесак? – Я взял с подоконника два ножа и повертел ими в воздухе, разминая кисти.

– Опять ты за свое. Играешься с булавками этими. Лучше бы штангу толкал. Знаешь, что говорит Ставр? Если спец вступил в рукопашный бой, то он потерял автомат, пистолет, гранату и сигнальную ракету, а если он все это потерял, то он не спец. Понял?

Ренат начал двигаться по комнате – тут останавливаться не желательно было, холод сразу впивался в тело.

– Бара, я ж тогда случайно чиркнул тебя! Давай, завали дрыща!

– А ты лезвия затупил?

– Да. Об твою голову, пока ты спал.

– Псих ты, Кузьма, полный. Таких сразу видно, по повадкам. Тебя же почти не били, когда ты «духом» летал, и, поверь, не по просьбе начальника твоего. Ты ж из тех странных, которые могут заточить ложку и пырнуть обидчика в живот, – высказался Баранов. Нож он так и не взял, демонстративно схватившись за гирию.

– Да ладно, Ренат, прекращай. Меня отец учил: относись к людям так, как они относятся к тебе. Поверь, это работает.

Я бросил более острый нож на место, а сам направился к стене, где были мной же намаляваны масляной краской жирные красные линии, перечеркивающие нарисованный человеческий силуэт. Художник из меня – от слова худо, но я попытался как можно точнее изобразить фризовца. В полный рост. Сегодня мне не хотелось работать на полную скорость или пытаться вбить в мышечную память новые приемы. Делал все как обычно, как учил урка Чес: по диагонали, по сосудам – чик-чик; правосторонняя, левосторонняя стойка – чик-чик.

Я отработал минут двадцать под шумное сопение Рената. В результате нож жалобно скрипнул и сломался у основания. Лезвие отлетело в сторону Баранова, и тот испуганно дернулся, чуть не выронив гирию.

– Кузьма!

– Да закончил я, закончил. Слышь, Бара, дело есть к тебе. Правда, рискованное.

– Рискованное? Завалить кого надо, или на кровохлеба пойдем охотиться? – пыхтя, ответил Ренат.

«Осмелел он, – подумал я. – На Фабрике убить человека оказалось для него сложной задачей. Теперь вот расстреливает труподов, бегает по крыше за мутантом. Счастливый человек. Все у него просто и понятно. Начальство отдало приказ – и он его выполняет».

– Нет. Меня Ставр на одиннадцать к себе вызвал. Вариантов не так много...

– Ну да, пошлет тебя сопровождать груз «двести». – С каждым произнесенным словом изо рта Рената появлялось облачко пара.

– Если так, Бара, тогда я сверну на южном блокпосте и пойду искать сталкера. Приведу сюда, а твоя задача – пропустить нас в коллектор.

– Ты чего, Кузьма? Ставр же запретил приводить сюда эту шваль подзаборную!

– Ты мне должен, Ренат. Помнишь, как я очень вовремя завалил фризовца, который собирався тебе спину изрешетить, и не помогли бы тебе ни бронежилет, ни гора мышц, – спокойным голосом сказал я. Приблизился к напарнику. Он засуетился, попытался отступить, но помешала скамейка.

– Ты сначала меня бросил за забором! И если Ставр запрещает, то в этом есть какой-то смысл. Или ты умнее майора?

– Ренат, на днях Ставр снова пошлет нас в коллектор. Ты сколько кровохлебов убил за это время? – Я же сам ответил на вопрос, показав пальцами «ноль». – Пацаны так и будут гибнуть. Понятно, что завалим мы эту тварь, но сколько еще до этого «двухсотых» передадим на Большую землю? Или ты боишься, что майор узнает? – Я приблизился к нему вплотную.

– В отличие от тебя, я не псих и приказы командира уважаю. – Ренат замолчал, вздохнул, потом сказал: – Проведу. И сам с вами спущусь в коллектор – за кровохлебом.

Я не стал его разочаровывать раньше времени. «Кровохлеб. Если бы так все просто было, не искал бы я помощи на стороне».

До одиннадцати я успел натереться снегом, натянуть форму и даже выпить сладкого чая, который скорее тянул на звание чифира.

Тело горело, как после бани. Появилась уверенность в собственных силах. В таком вот бодром настрое я добрался до штаба. Кивнул на входе солдатику, который вскочил, отдавая мне честь. Постучал в дверь кабинета майора. Вошел. Сразу в нос ударил запах никотина.

– За вашим приказом, – коротко сказал я.

Ставр за ночь словно посерел.

– Читай, – произнес он и протянул мне лист бумаги. Я взял бумагу. Почерк у Ставра был крупным и четким. Это был рапорт для вышестоящего начальства про перевод меня из базы НИИ Метпром в связи с нарушением дисциплины.

– Прочитай, – сказал я и тут же спросил: – Начали курить?

Майор, проигнорировав мой вопрос, откинулся на стуле.

– Ну что, Новиков, все еще настаиваешь на своем плане?

Я приблизился к столу, положил рапорт рядом с шахматной доской.

– Да, товарищ майор. И моя уверенность только возросла.

Ставр схватил лист и медленно разорвал его напополам.

– Растешь, сынок. Растешь. В этом есть и моя заслуга. Меня так же проверяли. Зараза. Не курил лет пять, вот, у караульного забрал. Пусть бросает.

Я провел рукой по своей колючей щеке. Стало неприятно: наговорил Ренату про Ставра ерунды всякой, выставил командира тупым воякой, который кровью солдат себе карьеру делает.

– Мне еще что-то знать надо? Задачи?

– Выходишь с группой через час, пока светло, и сворачиваешь в Деревню Новичков. Единственная просьба, личного характера – найди бывшего военного. Того, который понимает наши проблемы и не будет лезть с нравоучениями.

– Время выполнения?

– Да, времени даю тебе ровно столько, сколько у нас груза «двести». Два дня. Какие мысли по поводу мутанта? – Ставр чиркнул спичкой, прикуривая новую сигарету. Затянулся, выдохнул дым. Я медленно изложил свои мысли.

– Выполняй, – произнес майор. Я задал еще несколько вопросов, уточнил детали по получению оружия и вещей. Еще раз подробно изложил план действий.

– Новиков, я смотрю, ты все просчитал. На гроссмейстера еще не тянешь, а на шахматиста вполне. Так что под новым позывным пойдешь.

– Тогда уже лучше сокращенно – просто Шах, – сказал я и вышел в холодный коридор.

Что же, пора было собираться. Только вот не в Деревню, а в Бар. Туда, где осел сталкер по кличке Бортник.

4

Погода словно играла с нами в прятки. Густые хлопья снега скрывали от нас деревья, брошенные строительные плиты и здания. Если бы не асфальтовая дорога, тонкой ниточкой бегущая к Границе, то можно было бы легко заблудиться. Мне очень нравилась зима в Зоне: покореженные деревья, надев сверху белоснежные шубы, превратились в настоящих красавиц; кусты стали похожи на сказочные шары. Одна беда – мерзли пальцы. Тряпичные перчатки почти не грели и очень мешали: я не выпускал из рук ружье, даже когда доставал болты и кидал их перед собой, прокладывая дорогу.

Я оставил уныло идущих сослуживцев, четко указал им направление – на блокпост. Там их должны были встретить, забрать «груз». Бойцы провожали меня растерянными взглядами, мысленно поставив на мне крест: для них отклонение от маршрута было сродни смерти.

Я поддел носком ботинка снег и почувствовал вдруг себя настоящим крутым сталкером, понимая, впрочем, что за такие мысли Зона может наказать – жестоко и без промедления.

Но все же последние месяцы я не только обучался на базе НИИ Метпром, но еще и совершал вылазки, в которых преодолевал свои страхи и впитывал как губка информацию, набираясь опыта.

Вот и теперь я двигался в сторону Свалки. Камуфлированные форменные штаны я для этого похода заменил на утепленные, с карманами. Теплый свитер, надетый поверх футболки, облегченный бронежилет, темно-зеленый тулуп, – все это замечательно вписывалось в мой «сталкерский» облик. А еще рюкзак, в который я положил только нужные вещи: аптечку, патроны, съестные припасы, водостойкие спички, кремний, свечу, фонарик и запасные батарейки. Из оружия я взял с собой ружье, пистолет Макарова, а также нож. Не забыл я и про артефакт в контейнере – трофейный, еще с похода на Фабрику. С каждым шагом я чувствовал, как сердце набирает обороты, как ветер хлещет по лицу, будто вызывая на бой. Да, ради таких моментов, ради нового выхода в Зону я тут и торчал. Мне хотелось стать военным сталкером. Ради денег? Конечно, я думал о своем будущем, и многое упиралось в деньги. Деньги – это простор выбора, а свободу я стал ценить превыше всего. Артефакты, информация, хорошая зарплата. Что еще надо? Чутки бы власти, которой мне не хватило на Фабрике. Будь я вместо Ставра, то отпустил бы тогда Хрипа. А дома меня никто не ждал.

Так, в раздумьях, я и шел дальше, пока не услышал, как совсем не в такт моим шагам где-то сзади закрипел снег. Я резко обернулся, моментально оценил угрозу и рванул к бетонным плитам, стоявшим чуть в стороне от дороги. Ко мне приближалась стая кабанов.

Вожак стаи, понимая, что их обед удирает, издал мерзкий рев. Я на ходу сдернул дурацкие перчатки. Металл ружья сразу обжег ладони. «Плиты, такие замечательные бетонные плиты! Остановиться и стрельнуть? Нет, бронелобые кабаны меня просто раздавят, втопчут в снег и порвут на куски». Рюкзак и тулуп полетели вслед за перчатками.

Я резко ускорился. Забор был чуть выше моего роста, но я на него буквально взлетел. Тут же снизу последовал мощный удар, плиты зашатались – таран был такой силы, что я чуть не слетел со спасительной конструкции. «Ого! Ничего себе живая масса разогналась!» Вожак же заверещал от обиды.

Терять драгоценное время я не собирался. Спасибо тренировкам – эту гонку со смертью я выиграл. Я выстрелил. Вскочил, одновременно перезаряжаясь. И вдруг услышал:

– Фраер, ты чего там делаешь?!

Давно такой глупый вопрос мне не задавали, особенно в такой момент. Вожак заревел, словно отвечая сразу за нас обоих.

– Он мутантов притащил! – послышался второй голос.

Меня, выходило, зажали с двух сторон: с одной стороны бились о плиты кабаны, с другой – судя по всему, бандиты.

Я припал на колено, выстрелил в стаю. Ружье больно ударило в плечо, зато вожак наконец повалился на бок и задргал конечностями.

Я быстро осмотрелся. Отметил, что в двухэтажке с другой стороны бетонного забора, на котором я восседал, находились точно не сталкеры. Это действительно были бандиты, одетые все как под копирку: кожанки, капюшоны на головах; плюс у всех в руках – автоматы.

Кабаны, утратив вожака, поспешно ретировались.

Встречу с бандитами я предусматривал, но предпочел бы, конечно, избежать.

– Эй, слезай, а то застрелим!

Эх, будь их двое, я бы еще посмотрел, кто кого застрелил бы. Но в окне двухэтажки я заметил отблески – там был снайпер. И когда он высунулся, я сразу, по шраму на лице, узнал его. Бросив ружье в снег и не вставая с колена, я крикнул:

– Дядя Сева, нормально вам я мяска подогнал? Хватит на праздники?

Наши с ним дорожки уже пересеклись однажды – возле Границы, на Ферме. Заброшенные строения стали тогда местом боя между «правильными» бандитами и фризовцами.

«Правильные» во главе с Борзым смогли оттеснить отморожков, и именно дядя Сева провернул хитрую операцию: он заманил спецназ, который и задавил фризовцев.

Со мной тогда на стороне Борзого воевали, кроме дяди Севы, урка Чес, торговец Дельный и бандит Унылый.

И вот сейчас, холодным зимним днем, мы с последним оставшимся в живых человеком Борзого снова встретились.

– Какие люди. Давай слезай, племяшек, перетрем события, – сказал он.

Его шестерки тут же утратили к нам интерес, обогнули плиты и накинута на мои вещи, которые я скинул, спасаясь от погони мутантов. Бандиты выпотрошили мой рюкзак, из кармана тулупа извлекли контейнер. Я, видя это, неторопливо поднял пистолет, усмехнулся и изобразил выстрелы:

– Пиф-паф... Жадность фраеров сгубила.

– Ты кого фраером обозвал, – возмутился один из бандитов, но замер, увидев в моей руке ствол, потом начал дергать за куртку своего кореша, заставляя того повернуться.

– Фраера тут два, и, на мою беду, они со мной «точку» держат, – громко произнес дядя Сева. – Сколько раз учить: вдвоем шмон не устраивать, одному следить за сталкерами! Ладно, слазь, дезертирчик, перетрем все в теплом месте.

Я мягко прыгнул, но пистолет прятать не стал.

– Дядь Сева, мне дальше надо, туда, где наливают и сталкерские байки травят.

– Это мы посмотрим по ходу разговора, куда тебе ближе будет, – проворчал бандит и тихо добавил: – Говорят, тебя серьезные люди выискивают.

5

Самое плохое зимой, это быстро пролетающий день. Встаешь в темноте, завтракаешь в темноте, выползаешь в мир засветло, а тут – снова опустились шторы. Я высоко поднял картонку с написанными на ней римскими цифрами. Ружье на плече, рюкзак за спиной, воротник поднят.

Кабаны и бандиты остались в прошлом. Артефакт пришлось оставить на «точке», а вот вместо него мне выписали картонку-аусвайс. Разговор зато получился, и это – главное. Смушала, правда, острота этой беседы и явная недосказанность.

– Изменился. Попробовал вкус крови? Обжился, смотрю, стал на фраерков походить. Погонялово новое завел или все смешишь людей? – Старый бандит чуть ли не пинками отогнал своих людей от моих вещей, и теперь нам никто не мешал.

– Да твоими молитвами, дядя Сева. Недавно Шахом назвали.

– Шах, значит. Физиономией подходишь. Как Борзый кончил? – резко спросил он меня.

– Фанатик Черного Камня появился. Разнес все к чертям, нас на Топи загнал. Мы разделились, и после я не видел никого из группы.

– Разделились? Хочешь мне втереть, что эти от испуга отпустили «отмычку»? И сами ломанулись в болота, полные аномалий и радиации? Не смешно. И пистолет засунь в кобуру.

– А руки себе не связать?

– Все равно не успеешь достать. – Дядя Сева направил ствол винтовки мне в пах. Я медленно убрал пистолет. «Недооценивает, – ухмыльнулся я про себя, – и хорошо. Упаду, выхвачу и стрельну».

– Расклад гнилой, дядя. Борзый глотку рвал, что фризовцев ненавидит. А ты – его человек, явно доверял он тебе, раз договариваться со спецназом именно тебя подрядил. – Я сплюнул, вдохнул прохладный воздух и продолжил: – Так как же тогда получилось, что ты черный плащ надел? Перекрасился?

– Дерзишь.

– Давай по-чеснаку, дядя, – выпалил я.

– Вывернулся от масок-шоу, вернулся на Ферму, а там – следы странные, да и гильзы не простые. Дальше Гунчу довелось в долю вступать с фризовцами. Хорошо хоть их главного кокнули, псих полный.

– Фанерного? Зуб даю, наемники помогли, – сказал я.

– Фанерный... Ты, наверное, плохо спишь, – съязвил старый бандит.

– С какого перепугу?

– Много знаешь.

– Дядя Сева, ты стал фризовцем или как? – поинтересовался я уже прямо.

– Или как. Если базарить фраерским языком, подрабатываю я консультантом в сфере охраны. Вот новый пост делать собираемся, расширяем территорию. Куда я без Гунча?

– А если я скажу, что Гунч вам приговор подписал, там еще, на Ферме.

– Балаболишь. Не надо, Шах, я к тебе нормально отношусь. Не плачь, отпущу, хотя у наемников вопросы к тебе... Личные.

– Да послушай, Сева! В начале осени меня и напарника, Хрипа-просторовца, подписали военные. Ты же знаешь, я когда-то дезертировал, а знакомые остались. Вот и работаю теперь с камуфляжными. Подписали на захват Фабрики и зачистку территории от фризовцев. Там я и познакомился с одним бугром. Маленький такой, суетливый, и, главное, болтливый.

– Как кличка? – проявил интерес бандит.

– Нюх. Так вот он разнюхал, что Гунч и раньше стремился стать главным бугром Зоны. Только Борзый противился. Как знал, что людей будут убивать больше, чем мутантов, и ямы ими забивать до краев.

– Башка у тебя хорошо варит. Только каша из нее выходит сырая.

– Ага. Я ночами не спал, все пытался сложить два и два. Расклад получается такой, что Гунч рвался стать самым крупным хищником. Оставалось ему фризовцев под себя подмять да бунт у своих ребят подавить. А кто у вас бунтарь? Кто по законам жил? Думаю, Борзый. Даже уверен. Вот Гунч и Фанерный договариваются, делят Зону на части. В качестве клятвы Гунч сливает верного Борзого – можно сказать, правую руку отсекает.

– Ногу. Левую, – мрачно выдал бандит. – Ладно кроешь. Фанерный – не последний идиот. Был.

– Не последний. Карта хорошая попалась Гунчу. Артефакты, вернее, их массовое хранение. За такие деньги, которые возможно стало срубить, все наемники Зоны продались бы. Карим Волк, например, точно продан. Как он, кстати?

– Живой. Ищет военного по кличке Пробриска. Не в курсах, где найти такого дезертирчика? Балабонишь ты все, подстилка военная. Я заметил твои действия, решил, что ты реально станешь нормальным пацаном.

– Дядя, мне информацию слил Нюх. Про Гунча и Борзого, про наемников... Скажи честно, если верить не хочешь, что работаешь на...

– Рот затер. Еще вякнешь – и... – Дядя Сева плюнул, стараясь попасть мне на «берцы». Промалнул, попал на штаны. – Это все Зона, собака женского рода, ломает людей. Жаль, из тебя мог получиться матерый хищник. Борзый тебя присмотрел, хотел к себе перетянуть. Получается, мы оба ошиблись, – нервно произнес старый бандит.

Вот и поговорили, называется, по-чеснаку.

– Дядь, я тебе слил информацию, а ты порожняк гонишь. Не веришь – не надо. Давай расходиться, тебе – к костру, а мне еще к Бару топать. И твоих нормальных пацанов, которые по беспределу людей в землю кладут пачками, еще обходить придется.

– Племяшек, спишу твои слова на глупость и молодость. Не волнуйся, молодость пролетает быстро и всегда заканчивается смертью.

Старый бандит снова сплюнул, в этот раз в сторону.

– Давай часть барахла, а то задолбаюсь шестеркам объяснять, чего это я фраера отпустил без шмона. – Сева полез в карман, вытащил картонку с римскими цифрами. Кинул мне, но ветер подхватил ее, закружил в дивном танце. Я, не ослабляя внимания, готовый выхватить пистолет, плавным движением схватил свой пропуск.

Мои вещи, бесцеремонно раскиданные по снегу, вяло обыскивал бандит. Он достал артефакт и на этом, довольный, остановился.

– День бумажка действует, – сказал он и, не прощаясь, двинулся к зданию.

Я очень быстро собрал в рюкзак манатки, накинул тулуп и побрел к дороге.

Шел я долго и чем ближе подбирался к Полигону, тем чаще попадались мне на пути утоптаннные тропинки.

В очередной раз кинув перед собой болт, я сделал шаг и споткнулся. «Аномалия? Я пропустил аномалию? «Трамплин»? «Мясорубка»? – Сердце бухнуло в груди и словно остановилось, я сделал рывок в сторону и упал в снег. Чуть прополз. – Как же я прошляпил? Задумался? Да, горе от ума, однозначно».

Но ничего не происходило. Сумерки так и наседали на эти проклятые земли, снежок перестал падать, на небе появились звезды. Я встал, включил фонарик.

Рельс. Это был обычный рельс. Я приблизился, смахнул с него снег. Напряжение сменилось бодростью духа, будто я получил пропуск не только от старого бандита, но и от чернобыльского Неба.

Вскоре я набрел на пост фризовцев, которые не таясь жгли костры в бочках. Приближаясь к бандитам, я высоко над собой поднял картонку.

– Давай, быро рюкзак свети!

Небритые морды, запах перегара, угрюмые взгляды. В здание меня никто не приглашал, обшмонали прямо возле ворот. Внимательно изучили «пропуск».

– Кто дал? – спросил бледный, весь какой-то потрепанный фризовец.

– Дядя Сева.

– Родной, чё ли, что ты его дядей кличешь?

– Родной, – спокойно соврал я.

Зиверт

1

Икнулось, наверное, в тот момент старому бандиту. В гробу он видал таких родных племяшей. В белых «берцах».

Картонку-пропуск мне вернули, и я направился дальше, к цистернам. В этом же направлении тянулись сталкеры, замотанные в тряпье и явно мерзнувшие. Поменялась политика фризовцев. Раньше всех бродяг пускали под откос, теперь же фильтровали. «Интересно, с чем это связано, – задумался я. – Гунч надеялся найти лабораторию за месяц, а затянулось дело аж до зимы? Или понял, дальше давить опасно, народный гнев – страшная сила? Побоялся, что сметут его сталкеры, сметут, как цунами рыбацкий поселок?»

С наступлением темноты резко упала температура воздуха. Меня пробирало аж до костей, хотелось пробежаться, чтобы хоть немного согреться.

Полигон отходов, на который осенью мы выходили с Хрипом с другой стороны, представлял собой гору свезенных на свалку машин, металлических конструкций и разного хлама. Я светил перед собой фонариком и не сразу заметил труп полуголого человека. Остановился. Он лежал почти на вершине горы, припорошенный снегом. «Ясно, – мрачно подумал я. – Рано я перевел фризовцев в адекватов. Загнали они сталкера за артефактами, и плевать им, что там радиация, а главное, аномалии смертельные. Не повезло ему, бедолаге. Кому-то Зона под ноги рельсы кидает, а кому-то аномалию подсовывает».

Наконец послышались голоса, подтянулись сталкеры – взрослые угрюмые дядьки с автоматами, перекинутыми за спину, в легких курточках, покрытых коркой льда.

– Вечер добрый, – поздоровался я.

– Да какой он, хрен столовый, добрый? – просипел сталкер с пушистыми усами. Его напарник промолчал, пытаясь остановить пригоршней снега текущую из носа струйкой кровь.

– Живы – и то хорошо. Ему вот не повезло, – сказал я и посветил в сторону трупа.

– Нелюди. Чтобы их черви заживо ели, – прошипел усатый и воровато посмотрел по сторонам.

– Меня Шахматистом кличут. Сокращенно – Кузьма Шах. Полгода Зону топчу, а так далеко еще не забирался, – представился я.

– Ты, это, парень, не сердись, сейчас времена такие... Кому попало имена-клички не называем, – произнес усатый, поправил ремень автомата.

– Угу, – добавил второй, тот, кому досталось от фризовцев.

– Времена всегда гнилые, лучше не становится, но чтобы сталкер сталкеру имя не говорил... – Я покачал головой.

– Не серчай. Ты прав, и мы правы. Хочешь, пойдем с нами до Бара «Один Зиверт»? – пошел усатый на мировую, хотя имен так и не назвал. Запугали их, видимо, крепко запугали.

– Сам дойду, – огрызнулся я.

Мы двинулись дальше, и я, хоть и хорохорился, увязался за ними следом, шел не отставая. Усатый не выдержал, обернулся:

– Ружье-то с плеча перевесь. Заметят с оружием в руках – сразу же застрелят.

– Угу, – авторитетно добавил его напарник.

– Законовцы. Они внутренний периметр держат, а фризовцы – внешний. У них договор: друг друга пропускают. Этих, в кожанках, в Бар да на Арену, ну а законовцев – на волю, за территорию свалки. А мы как разменная монета... Кто захочет – бьет, кто захочет – шмонает...

– Нормальные они, – пробормотал сталкер с разбитым носом. – Они заставили бандитов нас не трогать.

– Сам ты... нормальный. Снега чистого возьми, а то этот уже красный, – ответил усатый и добавил: – Нос ты сам себе сломал? Упал на кулак с татуировками?

Сталкеры остановились, подождали. Полигон отходов остался за нашими спинами, зато впереди выросли огромные цистерны, в которых можно было хранить море бензина. Виднелись постройки, грамотно устроенный блокпост.

– А ты чего в Баре забыл? – поинтересовался усатый.

– Да вот в гости иду. Новый год скоро, провести кое-кого хочу, весточку с Большой земли передать, – ответил я. Тот замолчал, понимая, что на его скрытность я ответил взаимностью.

Законовцы удивили не только блокпостом, но и добротной экипировкой: теплые бушлаты, шерстяные шапки, «берцы» на толстой подошве. Все бойцы были одеты в одинаковую форму, нашивки у всех на месте, да и для опознавания в случае суматохи боя красным скотчем на куртках были наклеены полосы. Оружие же я разглядел настолько стандартное, что мне на миг показалось, будто очутился я у себя в части.

Бывших военных не существует, даже на аномальной территории. Вбитая сапогами, пропитанная потом, военщина была прописана на лбу каждого законовца. Я, стараясь не выдать свою заинтересованность, внимательно их изучал.

Ставр как-то после очередного малопонятного приказа с Большой земли в сердцах грозился бросить все и свалить на генеральскую должность в «Закон». Потом майор успокоился и горько заявил, что никто нас не ждет в этой группировке, основной задачей которой было уничтожение Зоны, избавление планеты от этой трофической язвы.

– Шапку снял, лицо показал! – Законовец раздраженно оглядел меня. – Ты что, псих? Кто ж в своем уме по Зоне с одним ружьем ходит?

– Новичок, – ответил я. – И у меня пистолет есть. Макарова.

– Пистолет! Макарова! – громко передразнил он. Остальные законовцы, которые в это время осматривали сталкеров, дружно засмеялись. Даже смех у них, казалось, был одинаковый.

Близость точки фризовцев и блокпоста законовцев меня не сильно удивляла. Однако для этого нужны были договоренности. А если военные стали якшаться с бандитами, то... дело швах.

Пистолет даже не попросили показать. Толкнули, указали, куда идти. Вот и добрался я до Завода. Дорога эта заняла почти год – с того момента это началось, как услышал я про него от сталкера Трофимыча. Чего только не приключилось со мной за это время: меня пускали вперед по Топи, используя как «отмычку»; меня били и заставляли бить других людей; пытались посадить в тюрьму; на меня нападали мутанты, в меня стреляли; аномалии заманивали меня в свои цепкие объятия; я сидел под Всплеском в схроне колхоза, защищал с бандитами Ферму, тонул в Топях, ползал в яме, набитой трупами, на Полигоне отходов, штурмовал Фабрику, переехал служить в НИИ Метпром.

Когда все начиналось, я испытывал патологический страх перед Зоной. Потом перерос этот страх, стал стремиться на запрещенную территорию, получил свою дозу сталкерской «романтики». Я стал преклоняться перед силой Зоны.

Сталкеры по дороге переругивались. Усатый доказывал, что пройти, заплатив только разбитым носом, это по нынешним временам – удача. Мы прошли унылые серые здания различной величины, новый блокпост. Увидели мертвеца, висящего на самом высоком дереве в округе Завода.

– За что его? – поинтересовался я, прерывая спор спутников.

– Стрелять начал, вот и повесили, – сказал усатый.

– Будь он не сталкером, а фризовцем, фиг бы его кто повесил.

Это была самая длинная фраза, произнесенная за всю дорогу пострадавшим сталкером. И усатому явно не понравилось, что напарник вдруг перехватил лидерство в разговоре.

– Мало тебе по носу дали? Еще хочешь? – рявкнул он, потом обернулся ко мне и указал на заборчик, которого почти не видно было в темноте. – Часто собаки оттуда налетали.

– А сейчас? – спросил я, пытаясь согреть руки в карманах. Заодно и пистолет подержал за ребристый бок.

– Теперь... Теперь они настолько обленились и разжирили на трупах, что даже не воют на луну. Ладно, вот и крайний пост. Тут и разойдемся, сталкер Кузьма Шах.

Мы быстро пересекли пост и остановились.

– Эй, а где Бар? – уточнил я.

– Смотри, вон красным горит фонарь на самом высоком здании. Сворачиваешь, там ангар, а дальше спросишь или вывеску сам найдешь, – произнес усатый.

– А вы куда собрались?

– Да тут метку на хабар нам слили... – начал было покалеченный. Но напарник толкнул его локтем, пожал плечами:

– Вот с такими и приходится в разведку ходить. Все тайны выдаст, – пожаловался он, протянул руку.

– Я незнакомым людям руки не пожимаю, – ответил я ему и, подмигнув его напарнику, добавил: – Лечи клюв.

Так и разбежались. Вскоре я добрался до ангара, на стене которого черной краской была выведена стрелка, указывающая на Бар.

Сначала я услышал музыку. Потом увидел вывеску с зачеркнутым старым названием «Сто рентген» и криво нарисованным новым – «Один зиверт». Нас учили, что зиверт – это количество энергии, поглощенное килограммом биологической ткани, равное... Чему равное, я уже не помнил.

Биомасса курила возле входа, громко выкрикивая пьяные бредни. Ей, массе этой, сейчас и холод нипочем был.

– Эй, дай денег на водяру, – окликнул меня курносый мужик в поношенном свитере.

– Зона подаст, – ответил я.

И, не задерживаясь на входе, спустился по лесенке в Бар.

2

Вниз вели шербохатые ступеньки, всем входящим при спуске бросался в глаза обесцвеченный временем плакат с наставлениями о запрете на применение в Баре оружия. Дальше шел небольшой коридор, заканчивающийся узким поворотом. Высоко в углу висело зеркало – явно в помощь охраннику, стоящему за сеткой, который сейчас вальяжно целился в меня из дробовика. Хорошая задумка – на таком узком пятачке роту солдат можно было бы размазать по стенам и потолку. Или полбанды фризовцев.

– Правила знаешь? – прошамкал охранник. Это был здоровый бугай в самодельной, похожей на кастрюлю, каске на голове. Опасная работа – охранять порядок в Баре, особенно когда Бар этот находится в Зоне, где каждый пьянчужка умеет убивать.

– Читать умею. Оружие сдавать не буду, – заявил я.

– И не надо, хлам еще собирать, – равнодушно пожал плечами охранник. Но все же проводил меня настороженным взглядом и направленным в мою сторону стволом дробовика.

Музыка в самом Баре играла гораздо тише, чем на улице, – видно, для завлечухи бармен крутил на всю катушку песни на свежем воздухе.

Меня завлекать не надо было – я знал, зачем шел в это место, а главное, знал, к кому именно. Прошли уже те лихие времена, когда я без разведки и сбора информации летел в

Деревню Новичков искать проводника. Тут дело было серьезнее – мне нужен был охотник на мутантов. Такого человека я не знал, зато...

Мне стало жарко, в Баре было натоплено от души. За стойкой хозяйничал седовласый мужичок с хитрыми глазенками. Я сразу определил – бывший бандит: такая морда может и военного застрелить, и отправить сталкера на верную смерть за артефактом.

Хотя, с мутантами жить – как мутант и голосить. Простачка или добрячка местные бы уже схарчили и даже переварили.

– Чего надо? – любезно поинтересовался бармен.

– Шоколаду, – так же любезно ответил я, положив руки на стойку. Нет, ссориться я не хотел, зато знал, что если начну лебезить и задавать с ходу вопросы, то сразу вылечу на мороз.

– Сейчас смотаюсь за Границу и принесу. Тебе какого?

– Черного, с орешками, – продолжил я злить бармена.

Тот застонал, словно ему сказали, что к ним в Бар завтра приедет детский садик на экскурсию.

– Тебе какого здесь надо, шутник? – процедил он сквозь зубы.

Я внимательно посмотрел на его пальцы. Все сходилось с рассказом Трофимыча про его друга-бармена по кличке Седой: внешность подходила под описание, на пальцах были характерные татуировки. Я вспомнил, как когда-то мечтал пробраться в Бар, послушать сталкерские байки – и назад, в часть. А там, подкрепляя свой авторитет, травить услышанные истории своим собратям. Добрался, наконец-то.

Бармен опустил татуированную руку под стойку. «Интересно, что у него там? – насторожился я. – Обрез? Пистолет? А может “гюрза”?» Позади Седого работал телевизор, стояли на полках банки с бобами, зеленым горошком, кукурузой и, куда же без нее, тушенкой. Водка была только одной фирмы. Монополия. Зеркала, как на входе, здесь не было – явно намеренно, поэтому разглядеть, что происходило за стойкой, возможности у посетителей не было.

– Не гурман, заказывать уши туши в томатном соусе не собираюсь. Правда, человек, который меня в Зону привел, любил их сюда сдавать, – начал я осторожно обрабатывать бармена.

– Ну, кто-то приносит артефакты, кто-то – уши. Иногда даже мутантов. А что за человек, я его знаю? – уточнил Седой.

– В возрасте и почете. Слегка косоглазый, будто старался всю Зону увидеть, – начал описывать я старого сталкера, заодно наблюдая за реакцией собеседника. – Откликался на Трофимыча.

Седой провел рукой по волосам, взъерошил их, а главное, вытащил вторую руку из-под стойки. Он понял меня верно и задал следующий вопрос:

– Как?

– Возле Границы, прикрыл меня от своры собак.

– А ты чего, убежал сверкая пятками? – раздраженно спросил мужичок.

– Почти. Убежал, вынося парнишку с переломанной ножкой.

Бармен это оценил. Он достал толстую книгу с замусоленными краями. Открыл, полистал. Вывел красной ручкой сегодняшнюю дату и начал аккуратно выводить буквы. Я прочитал: сталкер, погиб, Граница...

– Весной, в марте, – добавил я. Тот кивнул.

– Давно ведется такая тетрадь?

– Нет, с полгода. Как электронные прибамбасы с ума начали сходить, так и завел. Всегда говорил, что, кроме калькулятора, ничто из техники надежным быть не может. – Бармен показал толстую счетную машинку, перемотанную синей изолентой. Такого дремучего механизма я в жизни не видел. Я еще раз оценил толщину тетради.

– Полгода, а исписана почти до корочки?

Мужичок молча дописал, убрал ручку и закрыл тетрадь.

– Да. Меня Седой кличут. Тебя что привело в наш райский уголок?

– Кузьма – Шах. Поесть, отогреться и найти, с кем на дело пойти...

Я расстегнул тулуп, порылся в карманах, вытащил мятые бумажки с водяными знаками. Деньги. Говорят, самое лучшее изобретение человечества. Без них пришлось бы мне тащить сюда шкуру мутанта, сдачу наверняка давали бы хвостами собак.

Деньги нам выдавали в части, новыми хрустящими бумажками, воняющими типографской краской. Но их я методично выменивал на затертые и помятые, чтобы не засветиться.

– Да ты богач. Долго собирал? – с издевкой спросил Седой.

Я же аккуратно раскладывал бумажки на стойке, шевелил губами, ведя подсчет.

– Все. Мне бы водки. Чай горячий с сахаром. Хлеба, помазуху на него, ну и...

Я посмотрел на столы. Даже сквозь вонь старого прокуренного помещения пробивался аромат шашлыка. Рот наполнился слюной, желудок предательски начал забирать у мозга командование.

– Мяса жареного, – закончил я. Пока я вдыхал аппетитные запахи, Седой выставил на стойку все перечисленное. Потом потыкал пальцем в деньги.

– Не хватит, – произнес он.

– Как это? Тут же много...

– Кусочек – три. И скидку делать не буду, пусть земля будет пухом Трофимычу.

Я еще раз глянул на столы.

– Это один кусочек мяса столько стоит? – уточнил я.

– Ага. Ладно, давай я тебе колбасы дам, нормальной, докторской. Чуть плесень по бокам, но я водочкой оттер. А чай надо подождать, – пошел на мировую Седой.

– И баночку кукурузы, – поспешно добавил я. Бармен крикнул от досады. Я же начал все сгребать со стойки. И, прежде чем ринуться на присмотренное место, посмотрел в хитрые глаза мужичка.

– Седой, я знаю, у тебя мой старый знакомый оседает. Бортником кличут. Мне бы с ним поговорить.

– Он после смены отсыпается. Не в моих принципах уставшего сталкера будить по пустякам, – отозвался бармен и недовольно скрестил руки на груди, намекая, что тема закрыта.

– Седой, Трофимыч меня от собак прикрыл, а тебе лень позвать человека? – сказал я строго и, не дожидаясь ответа, направился к столику. Место я выбрал так, чтобы сзади была глухая стена, исключаяющая возможность нападения со спины, и чтобы хорошо просматривались выход и барная стойка.

Я прищвартовался, разложил свое съестное богатство на столике, осмотрелся. С улицы вернулись любители никотина и холода. Взяв две бутылки водки, я приблизился к этой компашке. Помятые лица курильщиков напоминали серые здания Завода, в глазах виднелся отпечаток печали, который эти люди пытались прикрыть налетом пьяной веселости.

– Это у кого-то так денег нет? – воскликнул один из них, тот, курносый, что окликал меня на улице.

– Денег не подаю, не на паперти, – сказал я и, театрально взвесив в руках бутылки, поставил одну им на стол. – А вот выставиться тяжелой водой – за мной не заржавеет. Выбрал вам покрупнее, а меньшую мы с другом раздавим.

– Так они же обе поллитровые... – удивился самый замызганный из компашки. Курносый ткнул его в плечо:

– Сеня, это шутка юмора такая у молодого поколения.

Он взял бутылку, ловко свинтил крышку и начал разливать водку в щербатые стаканы:

– На такое скажу только одно: спасибо не заржавеет. Если что, подходи, подскажем, где хабар припрятан...

Я вернулся за свой столик, вскрыл консервы. Желудок урчал от нетерпения, пока я щедро намазывал тушенку на неровно порезанный хлеб и складывал горкой бутерброды.

Заодно я посматривал по сторонам: появились еще два сталкера, оба кашляющие, словно туберкулезники; за ними вошли какие-то непонятные ребята, смахивающие на бандитов; в углу, уронив голову на стол, спал законовец.

Я прислушался к разговорам компашки курильщиков, которые шумно распивали подаренную мной водку.

– Да я вообще их не боюсь! Беспредел в Зоне устроили! Знаешь, что я скажу? Их свои же и прирежут. Перебили все поставки артефактов...

– Тихо. Лучше расскажи про ту тетрадь... Где стихи написаны. Небо смотрит на нас...

– Не тетрадь, а блокнот. Там еще фотография ученого...

Морщинистого я заметил сразу, как он показался из подсобки. Выполз, родимый. Бармен кивнул в мою сторону. Тот долго стоял, потом взял исходящие паром кружки со стойки, подошел ко мне, громко поставил их на мой столик.

– Черный. Сладкий. Пей и проваливай, Кузьма по кличке Шах.

3

– Угощайся, Бортник.

– Обойдусь, – проворчал старый сталкер. – И повторять не собираюсь...

Он совсем не изменился. Самый дряхлый сталкер из встреченных мной на дорогах Зоны. Морщины лежали на его лице глубокими рвами. Наверняка он в молодости был живчиком, а сейчас явно экономил на движениях. Цвет лица серый, болезненный. После пережитого – оно и понятно: избили его тогда очень сильно, а потом бросили умирать в яме.

– Бортник, ты же знаешь, какие сейчас опасные дорожки в Зоне. И я притопал сюда ради разговора с тобой, а ты меня посылаешь.

– Скажи спасибо, что не кричу про твои лычки, – прошептал сталкер.

– Да прекращай ты меня пугать. Куда выгонишь? На ночной мороз? Или будешь смотреть, как меня эти же красавцы забьют? – Я кивнул на соседей. Те, на мое удивление, очень быстро расправились с подаренной бутылкой водки. – Да и по правде сказать, Бортник, я уверен, что ты меня не сдашь. Даже сегодня, когда из каждого лезет гной и мерзость, в тебе я уверен как в родном отце. Пить будешь? – спросил я, резко меняя тему.

Морщинистый сталкер показал пальцами, сколько ему налить, взял бутерброд с колбасой. Понюхал, положил на место. Задумался.

Я скорее накапал, чем налил ему.

– Как самочувствие? Боевое? Таблетки помогают?

– Да тут не поймешь, таблетки или артефакты спасают. – Бортник открыл клапан на разгрузке, показал артефакт. – Вот приспособил.

Артефакт, который я принес с Фабрики, оказал чудотворное действие на организм старого сталкера. Несколько дней препирательства со Ставром, вылазка за новыми артефактами – и теперь Бортник был увешан ими, как новогодняя елка.

– Никто не отнимает? – спросил я и надкусил бутерброд. Было вкусно, аж слюни потекли, как у бешеной собаки. Острый голод мешал разговору. Старик сразу же понял, что меня отвлекло, подвинул ко мне тарелку.

– Да кто меня тронет? Я тут охранником устроился. Седого знаю давно, хабара ему немало наносил.

– Ты на вышибалу не тянешь, – высказался я.

– Хе. Чтобы нажать на курок, нужно уверовать в свою правоту. А для этого нужен умишко, который способен определить, кто и с какой целью заваливает в Бар. Вот я и сижу,

наблюдаю. Веришь, почти всех знаю, кто в Бар шастает. Старую гвардию-то понятно, а теперь и младых.

– Что с Игрулей? – спросил я.

– Скоро выпустят. Он вообще заявил, что его фризовцы на Границе взяли в оборот, пытали, заставляли... Обгорел тока сильно.

К нашему столу приблизился курносый, и тут же его окликнул Седой:

– Эй, не лезь к людям!

На этот крик отреагировали все, включая законовца. Видимо, редко за кого заступался бармен.

– Ты их угостил? – спросил Бортник.

– Да. Традицию соблюдаю.

– Тоже верно, хотя сейчас наглые пошли, все им мало. Ладно, уважаемый, гри, чего топал по снегу?

– Загадка есть, хочешь послушать? Живут в домике тридцать поросят. Домик охраняется, двери заколочены, только вот подземные коммуникации и крыши... Как только поросенок выползает из домика, там кто-то его кровушку досуха и выпивает...

– Кровохлеб. Что не ясно?

– Ага. Уточняю. Поросята сами выходят на страшного-страшного кровохлаба. Да и просыпаются поросята от кошмаров, жалуются они, что голова болит по утрам. – Я понизил голос: – А недавно они в коллектор спустились. Там звук был, словно по мозгам кто-то ладошкой бьет – испугались сильно. Одни поросята стрелять стали, а один – в аномальный «кисель» пальцы засунул...

– Мозгоправ. Все? Разгадал я твой кроссворд?

– Тогда еще вопрос – на засыпку. Поросята с Кровохлебом схлестнулись на крыше домика, но монстр убежал. Часто убегают мутанты от поросят? Насколько мне подсказывает опыт встреч с этим шлангобородым, то он обязан был атаковать.

– Ну убежал. Может, шума испугался. Наверняка же поросята визг подняли на весь дом и всю территорию, – спокойно сказал Бортник.

– Угу. Зато когда мозгоправа пытались защемить, то кровохлаб в другом месте решил поохотиться на поросят. Словно отвлекая и давая уйти мозгоправу. Кстати, что за тварь такая интересная? Кровохлаба-то я видел, а этого – нет, – спросил я.

– Да мало кто его видел. Понимаешь, Кузьма, тут без сто грамм в него поверить невозможно. Слухи всякие ходят, описывают его по-разному. Да кто описывает? Не тот, кто повстречался, а якобы у костра рассказали, вот по испорченной связи и передают. Голова у него, мол, с дом советов...

– Чего? – не понял я.

– Большая голова и неправильная какая-то. Переходит сразу в плечи, да и затылок... будто прилепили оплавленный кусок пластмассы, – неторопливо рассказал сталкер.

– Звук он издает? Или как он работает? Не бодается же! – уточнил я.

– Ты же сам сказал: по мозгам дает. Знал я одного сталкера, он после встречи с таким мутантом выжил. И не просто выжил, а еще и убил эту тварь. Но с психикой у него стало плохо, Кузьма. Мозг – словно яблоко червивое. Смотришь, вроде нормальный мужик, а как общаться начинаешь, так и понимаешь: гниют у него мозги, – задумчиво произнес Бортник. – Короче, очередной выродок Зоны. И если остальные жаждут мяса и крови, то этот мозги сушит. Да. Поросятам кошмары он может наслать, да и заставить в аномалию залезть. Матерый, видно, завелся у вас мутант, но контролировать он может только глупых. Собак, например... И вас, поросят... Присматриваться к нему не стоит. Заметил странную человеческую фигуру – и сразу убегай.

– Бортник, поросята сами выходят к кровохлебу на обед. Получается, ведет их мозгоправ, – сказал я с нажимом.

– Кузьма. Ты меня не слушаешь. Ни один мозгоправ не может влиять на кровохлеба. Высшего они интеллекта оба, на одном уровне находятся. Понимаешь? – встрепнулся старик.

В блокнотике Трофимыча я, помнится, читал про мозгоправа. Многое сходилось с описанием Бортника, очень многое. Я надеялся услышать подтверждение своей теории, но морщинистый меня разочаровал.

– Бортник, мы же с тобой нашли общий язык? Так чего ж два высокоинтеллектуальных мутанта не могут заключить союз? Поросята-то вкусные.

– Потому что не может такого быть! – возмутился сталкер.

– Тогда объясни, – попросил я.

– Ладно, шахматист, предположим, ты прав. Ты же ради этого ко мне приперся? – разошелся Бортник.

– Если бы я не ходил по Зоне, то и тебя в яме не нашел бы тогда.

– Меня Хрип обнаружил, – уверенно возразил морщинистый, – которого вы на Фабрике оставили.

– Которого ты умолял пойти на Фабрику, – напомнил я. – Да и вообще, Бортник, я же сказал, что по делу пришел. А дела у меня, сам понимаешь, не мелкие. Мне нужен охотник на мутантов, с которым мы зачистим коллектор. И плевать: вместе эти твари убивают людей или порознь.

– Нет тут такого, – огрызнулся сталкер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.